

A romantic couple is featured in a snowy city at night. The man, with dark hair and a serious expression, wears a grey and white jacket over a white t-shirt with the text 'DON'T NOW YOUR THE 10% THE MEAT WOMAN & FROCK'. The woman, with blonde hair in a bun, wears a white puffer jacket with a fur collar and looks over her shoulder at the camera. The background shows a snowy street with warm city lights and a 'MAY' sign.

СОВРЕМЕННЫЙ
ЛЮБОВНОЙ
РОМАН

СУМАСШЕДШИЙ
НОВОГОДНИЙ

Мой РОМАН

ИННА ИНФИНИТИ

Инна Инфинити

Мой сумасшедший

новогодний Роман

<https://litres.ru/74413659>

Аннотация

Рома Самохин — самый бесячий тип из всех, что мне доводилось встречать. Он придумал мне дурацкое прозвище и отказывается запоминать мое настоящее имя. Но самое ужасное не это. Самое ужасное, что мне предстоит встретить с ним Новый год, отправиться в путешествие и... уговорить его сорвать свадьбу наших родителей. Так начинается мой роман. Мой сумасшедший новогодний Роман.

Содержание

Глава 1. Классная попка	4
Глава 2. Вечеринка	12
Глава 3. Голый	19
Глава 4. До стадии принятия	23
Глава 5. Девушка	31
Глава 6. Как Новый год встретишь...	37
Глава 7. Шампанское и сигарета	44
Глава 8. Поздравления	54
Глава 9. Не то ложь, не то правда	64
Глава 10. Кладовка	69
Глава 11. Огонь	73
Глава 12. Новая подруга	78
Глава 13. Хорошая компания	85
Глава 14. Джет	92
Глава 15. Совпадение или судьба	97
Глава 16. Сюрприз	105
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Глава 1. Классная попка

— Кира, дорогая, мы с папой хотим сказать тебе важную новость, — мама взволнована.

— Давайте уже быстрее говорите свою новость, — плюхаюсь в кресло.

Из-за этой таинственно важной новости я не полетела встречать Новый год в Сочи со своим парнем и друзьями. Родители заявили: я должна остаться дома, поскольку будет сделано важное объявление. Почему нельзя было сообщить эту новость до моей поездки в Сочи или после нее, я в душе не ведаю. Но пришлось остаться.

Родители садятся на диван напротив меня. Поднимаю глаза выше их голов. На часах 21:00. До Нового года три часа. Вика, моя лучшая подруга, скинула фотки их праздничного стола в арендованном коттедже на Красной поляне. У нас тоже стол накрыт, я и мама облачились в коктейльные платья. Скоро должны приехать друзья родителей — семейная пара.

Признаться честно, за напускным спокойствием я скрываю нешуточное волнение. Меня не покидает плохое предчувствие. Что родители хотят сообщить мне? Они тяжело больны? Папина компания обанкротилась? Мы переезжаем жить в другую страну?

— Мы с папой разводимся! — торжественно объявляет мама.

Или они хотят сообщить, что скоро у них родится еще один ребенок?

Так, стоп!

— Что? — переспрашиваю. Мне послышалась какая-то ерунда про развод.

— Мы с твоей мамой приняли решение расторгнуть наш брак, — говорит отец и сопровождает свои слова радостной улыбкой.

Я каменею. Таращусь на родителей во все глаза. Недоуменно хлопаю ресницами.

— Разводитесь? — шокировано переспрашиваю и не узнаю собственный голос.

— Да, разводимся, — подтверждает мама.

— Но... — и замолкаю.

Мне двадцать лет. У меня давно своя отдельная от родителей жизнь. Так почему же сейчас горло стягивает спазмом? Почему вдохнуть больно? Почему глаза колет, как будто они слезами наливаются?

— Милая, — папа мягко улыбается. — Так иногда в жизни бывает. Но мы продолжаем любить тебя и оставаться твоими родителями.

— Почему?

Шмыгаю носом. Нет-нет-нет, сейчас не время плакать. Родители же не плачут. Вон какие они радостные. Как будто начинается самый счастливый этап их жизни.

— Ты уже взрослая, и мы можем говорить с тобой открито.

венно, — начинает мама. — Мы с твоим папой полюбили других людей. Как ты знаешь, у нас есть друзья: Надя и Альберт.

— Которые скоро приедут отмечать с нами Новый год, — не спрашиваю, а утверждаю.

Я этих Надю и Альберта недолюбливаю. Конкретно они ничего плохого мне не сделали, наоборот всегда со мной милы и любезны, но вот их сын...

Их сын Рома Самохин учится со мной на одном потоке. К счастью, мы в разных группах, но лекции у нас проходят вместе. А еще у нас вместе английский. С первого курса наше общение не задалось, потому что я услышала, как Рома называет меня за глаза.

Классная попка с английского.

Да, именно так и называет. Классная попка с английского. Потому что он не знает моего имени. За два с половиной года совместных семинаров по английскому он не потрудился запомнить, как меня зовут.

Однажды на первом курсе преподаватель поручила мне собрать домашние работы, и я услышала, как Рома спрашивает у своих придурков-друзей:

— Кому сдавать домашку? Этой классной попке с английского?

Услышав, я подумала, он говорит про кого-то другого. Это было в дорогом кафе возле универа, где тусуются мажоры типа Ромы и его друзей. Я хоть деньгами не обделена, но

в пафосное кафе ходить не люблю. Но в тот день зашла за кофе.

— Мне сдавать, — громко сказала.

Рома и его друзья резко обернулись на мой голос.

— Ну так я про тебя и говорю, — искривил губы в хищном оскале, — классная попка с английского.

Друзья Ромы хором захохотали. Я сначала опешила. Потом меня стало переполнять возмущение. Затем к глазам подступили слезы обиды.

— Меня зовут Кира, — процедила.

— Классная попка тебе больше подходит. Кстати, можешь, пожалуйста, не надевать эту бабкину кофту, в которой ты прошлый раз выходила к доске? Она скрывает твою классную попку.

Снова зазвучал мерзкий хохот его друзей.

Не дождавшись своего кофе, я выскочила из заведения, словно ведром помоев облитая. Пока быстро шагала к универу, из глаз потекли слезы. Еще никогда я не чувствовала себя такой униженной и оскорбленной.

На следующий день на английском Рома был как ни в чем не бывало. Общался со своими мерзкими друзьями, на меня не смотрел. А я с того дня и до сих пор специально хожу на семинары в той кофте, которую Рома прозвал «бабкиной». На самом деле никакая она не бабкина. Это очень даже модный кардиган цвета кэмел. Но да, он закрывает ягодицы.

А вскоре после того инцидента с Ромой, мои родители

сдружились с его родителями. Понятия не имею, как это произошло. Может, потому что мы живем в одном коттеджном поселке.

Наши родители стали неразлучны. Вместе ездят в отпуска и куда-то на выходные. Сначала я не знала, что Альберт и Надя — это родители придурка Ромы. Но потом мне стала известна их фамилия: Самохины. В ту секунду я и невзлюбила друзей родителей.

Нашли с кем дружить. С отцом и матерью этого придурка. А яблочко от яблоньки недалеко падает. Если их сын идиот, значит, и они такие же.

— Совершенно верно, Надя и Альберт, — мама возвращает меня в реальность. — Дело в том, что с Надей и Альбертом у нас было... — мама на секунду запинается, пытается подобрать слова. — У нас было больше, чем дружба.

— В смысле? Я не понимаю.

А я правда вообще не понимаю, к чему мама клонит. После заявления о разводе у меня в голове какой-то кисель.

— Ну, знаешь, есть такой вид сексуальных отношений, когда происходит обмен партнерами...

— Свинг, — подсказывает папа.

Слова родителей проникают в уши, словно сквозь вату. Мой мозг работает очень заторможенно.

— Свинг — в смысле танец?

— Нет, свинг в смысле обмен партнерами во время полового акта.

Я молчу, переваривая услышанное. Я вроде понимаю, о чем говорят родители, но как-то вятно отреагировать не могу. Тело словно свинцом налилось. Поэтому я просто молча таращусь на родителей.

— В общем, — продолжает мама, — в процессе практики этого сексуального направления у меня возникли чувства к Альберту, а у папы к Наде. Поэтому мы решили развестись. Вернее, мы уже развелись неделю назад, просто тебе не говорили. Альберт и Надя в свою очередь тоже расторгли свой брак. А сразу после новогодних праздников мы сыграем новые свадьбы. В один день. Кира, милая, я хочу, чтобы ты была моей подружкой невесты.

Мама замолкает. Она улыбается. Папа тоже. Они ждут от меня реакции. Ответа. Наверное, тоже радости. Вот только я не могу разделить с ними сие торжественное событие. Я чувствую себя так, будто по мне проехали дорожным катком.

— Кира, ну скажи хоть что-нибудь.

— Да вы долбанулись на всю голову! — выкрикиваю неожиданно для самой себя. Встаю на ноги. — У вас крыша поехала?

— Кира, что за слова! — мама тоже вскакивает, следом за ней папа.

— Я не собираюсь участвовать в вашем театре абсурда! У вас проблемы с головой, вам надо показаться психиатру.

— Кира, следи за тем, как ты разговариваешь. Мы твои родители. И пока еще ты живешь за наш счет.

Я не успеваю ответить маме. С улицы доносится звук закрывающейся калитки во двор и голоса. Через несколько секунд дверь в дом распахивается, и входят те самые Альберт и Надя. Друзья родителей. Родители придурка Ромы.

Ненавижу их.

— Всем добрый вечер! — расплывается в улыбке Надя. — С наступающим!

Тошнота подкатывает к горлу. Сглатываю. Они не потрудились снять верхнюю одежду в предбаннике перед гостиницей. На черной шубе Нади и на ее черных волосах слой снега, на седовласой шевелюре Альберта тоже. Сколько им лет? Надя выглядит очень молодо, а Альберт наоборот.

Теперь я смотрю на них не только, как на мать и отца идиота Ромы. Я смотрю на них как на умалишенных.

Меня передергивает. От отвращения.

— Идите вы все на хрен, извращенцы, — рычу. — Видеть вас никого не могу!

Альберт и Надя растерянно на меня смотрят, не понимая, что происходит.

— Мы рассказали Кире про нас, — мама издает нервный смешок. — Она немножко расстроилась.

— Да? — удивляется Надя. — А когда мы Роме рассказали, он нормально отреагировал.

Вот зря она это сказала. Зря она упомянула своего Рому. И тем более зря — что он нормально отреагировал.

У меня происходит короткое замыкание. Я себя не кон-

тролирую.

— Ваш Рома такой же придурок и извращенец, как вы, — заявляю, глядя прямо на Надю и Альберта. — Он полнейший идиот, дегенерат и дебил. Теперь понятно, в кого он таким пошел — в вас.

— Кира! Что за слова! — возмущается мама. — Немедленно извинись!

Показываю им всем средний палец.

Глава 2. Вечеринка

Я разворачиваюсь и убегаю по лестнице на второй этаж в свою комнату. Там достаю из-под кровати спортивную сумку и начинаю бросать в нее вещи. Я лучше встречу Новый год на вокзале с бомжами, чем здесь с ними. Слезы текут по лицу, судорожно смахиваю их, продолжая набивать сумку одеждой. Я даже не могу толком сообразить, что с собой взять. Кидаю все подряд, не вдумываясь.

Поеду в Сочи к друзьям. Надо посмотреть билеты на самолёт. Сегодняшней ночью вряд ли улечу, надеюсь, на завтрашнее утро найдутся билеты. А в этом доме я не останусь ни на секунду.

Дверь моей комнаты бесцеремонно распахивается, и входит мама:

— Кира, ты опозорила нас.

— Это вы меня позорите, — сумка набилась до отказа, застегиваю молнию. — Я вас стыжусь.

— Посторонним людям необязательно знать правду. А разводы происходят каждый день. В двадцать первом веке живем. Куда ты собираешься?

Такое ощущение, мама только сейчас заметила, что я пакую сумку.

— Я поеду в Сочи, как и собиралась. В вашем театре абсурда я участвовать не собираюсь.

Мама упирает руки в бока.

— Ты пока еще живешь за наш счет.

— После праздников я это исправлю. Найду себе работу.

— Кира, немедленно спустись вниз и извинись, — требует.

— Даже не подумаю. Все, мама, не заставляй меня ненавидеть вас еще больше. Я вернусь домой десятого января.

Я пытаюсь обойти мать, но она хватает меня за локоть.

— Ты никуда не поедешь, — шипит. — Ты наказана.

Набираю в грудь побольше воздуха.

— Немедленно отпусти мою руку, мама, иначе я до конца своих дней не буду с тобой разговаривать.

Должно быть, по моим глазам мама читает, что я не шушу. Медленно отпускает захват. Я замечаю на ее лице тень страха.

— Я улетаю в Сочи к друзьям и вернусь домой после праздников, — еще раз повторяю и выхожу из комнаты.

Я направляюсь в противоположный конец коридора. Там спускаюсь по запасной лестнице в подвал, пересекаю его до конца и поднимаюсь наверх. Оказываюсь в предбаннике между дверью на улицу и дверью в гостиную, где сейчас находятся папа, Альберт и Надя. Надеваю пуховик, угги и выхожу из дома.

Надо вызвать такси и ехать в аэропорт. Но сначала я хочу заглянуть к Роме Самохину. Неделию назад на весь университет прогремела новость, что он устраивает в своем доме кру-

тую новогоднюю вечеринку. Приглашены все-все-все. Предков не будет дома.

Потому что они будут дома у меня.

Коттедж Самохиных находится в противоположном конце поселка. Я иду быстрым шагом. Дорожная сумка с вещами оттягивает руку. Мороз забирается под пуховик и кусает ноги. Я забыла переодеться. На мне шелковое коктейльное платье и тонкие капроновые колготки. Но меня подогревает протест, который нарастает внутри с каждым шагом.

Слезы снова бегут по щекам, портя красивый макияж. Почему я чувствую себя так, будто наступил конец света? Ведь если вдуматься, это жизнь моих родителей. Пускай они делают, что хотят.

Умом понимаю, а не могу заставить себя развернуться и пойти обратно домой. Просто не могу и всё! Мне тошно от одного вида этих Альберта и Нади. Откуда они только взялись? Я даже не могу вспомнить, когда именно они появились в жизни моих родителей. Просто в какой-то момент папа с мамой стали ездить с ними во все поездки, а меня с собой брать перестали.

Теперь я знаю, чем они там занимались.

Фу, как противно.

Нет, я точно не могу вернуться домой. Однозначно не сейчас.

Через двадцать пять минут быстрым шагом я наконец-то начинаю слышать громкую музыку. Басы рассекают мороз-

ный воздух так сильно, что, кажется, он вибрирует. Нетрудно догадаться, откуда доносится музыка. Прямо как в старой песне:

Вечеринка у Децла дома

Гуляет весь район, гуляет вся школа.

Только вместо Децла нужно подставить имя Рома. Чем ближе я к коттеджу Самохиных, тем сильнее головная боль от звуков вечеринки. Я запыхалась, пока торопилась. Рука с сумкой почти онемела. Да еще нос течет: не то от слез, не то от холода. Вытираю его рукавом пуховика. Салфеток нет.

Дверь во двор дома открыта. У ворот кучкуются люди с сигаретами в зубах. Несколько лиц мне кажутся знакомыми. Наверное, это кто-то из нашего универа. Я неуверенно мнусь с ноги на ногу, глядя на свет в окнах дома.

И что я скажу Роме?

«Эй, наши родители чокнулись. Давай отвезем их в психиатрическую лечебницу?».

— Девушка, вы к Роме? — звучит вопрос сбоку.

Поворачиваю голову. Ко мне обращается какой-то парень.

— Ага.

— Заходите, он дома.

Ну раз меня еще и приглашают, то точно надо идти. К тому же я сильно замерзла. Так что да, пойду.

Я уверенно захожу во двор, поднимаюсь по крыльцу и открываю дверь дома. Здесь нет предбанника, как у нас, поэтому я сразу попадаю в огромную гостиную, набитую людьми.

Кто-то танцует, кто-то ест у фуршетных столов, кто-то обжигается на диване. Навскидку здесь человек тридцать. Верхняя одежда огромной грудой свалена на банкетку. Рядом десятки пар обуви. Они в такой же куче, как и верхняя одежда.

Я снимаю с себя пуховик и аккуратно кладу его поверх горы курток. Угги пристраиваю в самый угол у двери подальше от чужой обуви. Сумку с вещами оставляю под банкеткой.

Мне надо найти Рому. Я еще раз оглядываю присутствующих в гостиной. Музыка орет так, что болят барабанные перепонки. Я не понимаю, как они тут все умудряются разговаривать. Но, кажется, разговоры в этой комнате мало кому интересны. Присутствующие предпочитают пить и обжигаться.

Я пересекаю гостиную, иду дальше по коридору. В конце горит свет, думаю, мне надо туда. По дороге мне попадается дверь с табличкой WC. Захожу туда и смотрюсь в зеркало. На щеках застыли черные дорожки из слез вперемешку с тушью. Беру несколько сухих салфеток, мочу их водой и привожу в порядок лицо. А то не хватало, чтобы Рома придумал мне новое прозвище.

Выйдя из ванной, иду дальше по коридору на свет. Это оказывается еще одна гостиная, совмещенная с кухней. Большая. Я бы даже сказала, огромная. Здесь чуть тише, чем в предыдущем помещении, поэтому присутствующие общаются друг с другом. Столы и барная стойка завалены закусками, бутылками алкоголя и стаканами. Я такое только в аме-

риканских фильмах видела. Рома, видимо, тоже их насмотрелся и захотел повторить.

Ищу его глазами и нахожу в кухонной зоне. Он стоит у стола и печатает в телефоне. Одет в синие джинсы и черную футболку. Обычно, не празднично. Пользуясь случаем, рассматриваю Самохина. В универе я демонстративно стараюсь не смотреть в его сторону.

У Ромы приятная наружность, чего уж скрывать. Темные волосы, темные глаза, мужественные черты лица, спортивное телосложение. Вокруг него всегда много девушек, и он этим пользуется.

Словно почувствовав на себе взгляд, Рома отрывается от телефона и смотрит ровно на меня.

В первую секунду — недоуменно.

Во вторую — изумленно.

В третью — скептично-насмехательски.

— О, Классная попка с английского! — выкрикивает на все помещение так громко, что другие люди оборачиваются. — Не ожидал увидеть тебя на своей вечеринке. Ну ты проходи, не стесняйся. Для твоей классной попки я найду лучшее место.

Теперь все смотрят ровно на меня. Человек десять, не меньше. По помещению прокатывается волна смеха, а меня сначала бросает в жар, затем в резкий холод, а после снова в жар. Я чувствую, как покрываюсь красными пятнами. Лицо горит.

Срываюсь с места и за секунду оказываюсь возле Самохина. Теперь я ненавижу его еще больше. Хотя, казалось, после объявления родителей больше уже невозможно.

— Хватит так меня называть! — рывкаю, едва сдерживаясь, чтобы не выцарапать Роме глаза. — У меня есть имя! Меня зовут Кира!

— У меня плохая память на имена. К тому же Классная попка тебе больше подходит. И, пожалуйста, перестань надевать эту бабкину кофту, в которой ты сидишь на каждой паре. Она скрывает твою...

Рома не успевает договорить «классную попку». Потому что я хватаю со стола салатницу с оливье и переворачиваю ему на голову.

Глава 3. Голый

Я сделала это быстрее, чем успела подумать.

В следующую секунду, глядя, как по голове ошарашенного Ромы стекает майонезный салат, я начинаю жалеть о содеянном. Ситуация усугубляется тем, что на нас смотрят все присутствующие.

— Власова, ты охренела?!? — взрывается криком Рома.

Мой шок в шоке.

— Ты знаешь мою фамилию?

По щелчку пальцев Самохин из саркастичного шутника превратился в разъяренную фурию. Его глаза метают молнии, пока по лицу до шеи и плеч стекают горошек вперемешку с колбасой в майонезной заправке.

По кухне-гостиной прокатывается волна громкого смеха. Рома багровеет.

— Блядь, да у тебя с башкой проблемы, дура!

Оскорбление задевает меня до глубины души. Потому что «проблемы с башкой» как раз не у меня.

— Проблемы с башкой у тебя и у твоих родителей, — рычу.

— Больная дура!

Рома устремляется на выход из помещения, сильно толкнув меня плечом. Я аж, развернувшись, влетаю спиной в кухонную столешницу. На меня направлены минимум десять

пар глаз. В некоторых присутствующих я узнаю друзей Самохина из нашего универа. В другой гостиной, которая возле холла, громко звучит веселая новогодняя музыка. Учитывая произошедшее, она абсолютно не в тему.

Народ начинает смеяться. Смотрят на меня и смеются.

— Охрененно, Власова, пять баллов! — говорит приятель Ромы из его группы. Он тоже с нами на английском.

— Это лучшее из всего, что я видела в этом году! — восклицает незнакомая мне девушка.

— За Ромой теперь ответка! — говорит смутно знакомый парень.

От этого замечания по позвоночнику пробегает неприятный холодок. Надеюсь, Рома не мстительный. Потому что мне не хочется ходить с салатом на голове. Если Рома у себя дома и может переодеться, то я нет. Я, конечно, побросала в дорожную сумку какие-то вещи, но делала это без разбора. Вполне возможно, что, находясь в шоковом состоянии, я нахватала с собой смешных пижам и домашних потертых треников.

Не произнося ни слова, я покидаю помещение под взгляды присутствующих. Собственно, задача осталась нерешенной. Я пришла домой к Самохину, чтобы поговорить с ним. Нам определенно есть, что обсудить. Даже больше — мы с Ромой теперь не чужие люди!

Прости Господи.

Я иду искать Самохина. Должно быть он в ванной моет

голову. Санузел на первом этаже пуст, значит, он в каком-то другом. Путь на лестницу второго этажа перекрыт красной лентой, что означает: посторонним вход воспрещен. Не долго думая, пролезаю под лентой и взбегаю вверх по ступенькам.

Коридор второго этажа усыпан дверьми. Свет здесь не горит. Я открываю все двери подряд в поисках спальни Ромы. Его комнатой оказывается самая последняя в конце. Сначала мне в нос ударяет запах Самохина — что-то с морским бризом — а потом я слышу шум воды. В конце комнаты есть еще одна дверь, из-под которой виднеется полоска света. Видимо, ванная.

Я прохожу в комнату Ромы и аккуратно сажусь на кровать. Спальня освещается только светом фонаря из окна, но этого достаточно, чтобы рассмотреть интерьер. Комната небольшая, и видно, что в ней живут. На спинке стула у письменного стола брошена одежда, а сам стол завален тетрадями и учебниками. На стене ровно напротив кровати висит телевизор, а под ним игровая приставка. Также здесь комод и шкаф.

Вода долго шумит. Что он там, решил ванну с пеной принять? Я и то голову быстрее мою. Нервно подергиваю ногой. Я должна извиниться перед Ромой? По идее должна, но не хочется. Он первый начал. Зачем он называет меня этим унижительным прозвищем?

Классная попка с английского.

Фу.

И придумал же.

Наконец-то шум воды прекращается. Я натягиваюсь струной. Вряд ли Рома обрадуется, увидев меня в своей комнате. Через минуту дверь ванной распахивается, и передо мной в ярком свете предстает Рома Самохин.

Абсолютно голый.

Только полотенце небрежно переброшено по плечам через затылок.

Рома не видит меня. А я в таком шоке, что и звука вымолвить не могу. Таращусь на его абсолютно голое тело, как замороженная. Ну и я солгу, если скажу, что мой взгляд не прикован к одной конкретной части тела. Вернее, к органу.

Он внушительных размеров. Очень внушительных.

Рома делает два шага к комоду, берет с него телефон, экран загорается. Рома что-то смотрит, печатает. А я продолжаю смотреть на него. Слава Богу, Самохин теперь ко мне спиной. Но я все еще таращусь на него, не в силах оторвать взгляд. Рассматриваю в полумраке спальни его сильные мышцы спины, подкачанные упругие ягодицы. Он хорошо сложен. Очень хорошо. В зал, наверное, ходит. Рома не спешит одеваться. Он часто ходит голый по своей комнате, когда внизу толпа гостей?

Мой взгляд снова прилипает к его заднице. Ничего такая.

— А у тебя тоже классная попка, — отвечаю ему комплимент.

Глава 4. До стадии принятия

Рома с громким криком подпрыгивает на месте как ужаленный. Смартфон из его рук падает на пол и издает такой пронзительный звук, как будто разбилось стекло.

— Твою мать, блядь, Власова! — хватается за сердце. — Какого хрена ты тут делаешь!?

Рома развернулся ко мне лицом, и я снова вижу его член. Против своей воли опускаю глаза именно на детородный орган.

— Блядь! — Рома будто только сейчас вспомнил, что он голый. Убирает руку от сердца и прикрывает ею пах. — Что тебе надо?

— Я пришла поговорить. Оденься, пожалуйста.

Внезапно от вида голого Самохина я ощущаю внутри странные чувства. Внизу живота постепенно нарастает тепло. Оно проходит по телу вибрациями. Я прекрасно понимаю, что это за ощущения, и они мне не нравятся.

Не нравятся по отношению к Самохину.

Демонстративно отворачиваю голову, пока он, матерясь, достает из комода трусы и натягивает на себя. А у самой дыхание участилось, и появилось желание сжать бедра. Ну пипец, приплыли. Я возбудилась от придурка Самохина.

И это при живом-то парне!

Мы с Максимом встречаемся год, у нас все хорошо. Он

сейчас в Сочи с нашими остальными друзьями, и скоро я отправлюсь к нему. Я не могу испытывать эти ощущения по отношению к придурку Самохину.

— Чего тебе? — зло рявкает.

Возвращаю к Роме лицо. Он оделся и держит в руках свой телефон. Надеюсь, экран не разбился. Ну, если бы разбился, Самохин бы мне уже высказал.

«Оделся» — громко сказано. Рома натянул на себя только спортивные штаны серого цвета. Они сидят на нем слишком низко.

Преступно низко.

Настолько, что виден треугольник внизу живота, переходящий в пах, который скрывают треники. Футболки нет. И я снова лицезрею его спортивное тело.

Я чувствую, как встают мои соски.

Так, все в порядке. Дело не в Самохине. Это просто у меня овуляция. Плюс мы с Максимом давно не были вместе. То мы ругались, то он болел, то потом я болела. А теперь вот он в Сочи улетел.

— На самом деле я по серьезному поводу, — встаю на ноги. Мне кажется неправильным, что Рома стоит, а я сижу на его кровати.

— По какому еще серьезному поводу, Власова? — нетерпеливо спрашивает.

— А ты сам не догадался?

— Тебе не с кем делать проект по английскому? Так у ме-

ня уже есть пара.

Я на миг теряюсь. Наши родители занимались групповым сексом, развелись, чтобы жениться друг на друге, а Рома спрашивает, по какому я поводу?

Он точно в курсе? Его мама сказала: «Рома нормально отреагировал».

— Кхм, я насчет наших родителей.

Хорошо, что в комнате темно. Фонарь от окна недостаточно освещает помещение, поэтому мое смущение не очень заметно. За последние минут двадцать я отвлеклась от ситуации с родителями, а теперь она снова навалилась на меня, как бетонная плита.

— Не понял. Говори уже быстрее, а. Мне надо идти к гостям.

— Твои родители развелись, верно? — спрашиваю в лоб. Замечаю в темноте удивление на лице Самохина.

— Да, а откуда ты знаешь? — прищуривается с подозрением.

— Мои родители тоже развелись, и теперь моя мама выходит замуж за твоего папу, а мой папа женится на твоей маме. А еще они чокнутая компашка свингеров. Ты знал об этом?

Рома застывает как статуя. Его наглое симпатичное лицо вытягивается в изумлении. Он открывает рот, порываясь что-то сказать, но тут же захлопывает его. Потом снова открывает. Снова закрывает. Сводит брови на переносице.

— Какого...? — и замолкает.

— А твоя мама мне час назад сказала, что ты нормально отреагировал. Твои родители встречают Новый год у нас дома. И я тоже должна была с ними праздновать, но ушла.

— Блядь! — хватается за голову. — Они это с твоими родителями...?

Рома, наверное, хотел сказать «трахались» или «занимались групповым сексом», но заменил на слово «это».

— Да.

Реакция Ромы — как бальзам на душу. Он не знал. Вернее, не знал, что его родители с моими родителями. Возможно, теперь мы сможем стать с Ромой командой, объединиться, чтобы вставить родителям мозги на место. Кто-то же должен донести до них, что они тронулись умом. Это будем мы с Ромой.

Пока я пребываю в мечтах, Самохин берет себя в руки и перестает удивляться.

— Знаешь, если честно, мне по хуй.

Что?

— В смысле, тебе по хуй?

— В прямом, — пожимает плечами. — Я не знал, что они с твоими родителями. Хотя мне было известно, что они дружат. Но, знаешь, все равно по хуй.

Я аж разеваю рот. Стремительная перемена в поведении Самохина. Минуту назад он сокрушался и хватался за голову, а теперь нацепил на свою физиономию безразличное выражение и стоит со скучающим видом.

— Рома, ты в своем уме!? Мы должны отговорить их! Мы должны вправить им мозги! Да это же полный бред! Это же... Это же... — я не нахожу подходящих слов. — Да они гребанные извращенцы!

Рома с безразличным видом скрещивает руки на груди и приваливается к комоду.

— Мне по хуй.

— Ты не знаешь других слов, кроме «мне по хуй»!? — взрываюсь криком. Теперь я снова ненавижу Самохина и готова выцарапать ему глаза.

— Слушай, отстань от них. Пусть делают, что хотят. Это их жизнь.

Нет, это совершенно точно чокнутая семейка. Теперь я в этом не сомневаюсь. Родители Самохина загипнотизировали моих родителей. Или что-то подсыпали им в стаканы. Или укусили их. У них все семейство, включая их сыночка, не дружит с головой. Иначе я не могу объяснить безразличие Ромы, еще и эти пафосные словечки, как будто он после сеанса с психологом: «Пусть делают, что хотят», «Это их жизнь» и бла-бла-бла.

— Рома, у тебя с головой все хорошо?

Только что умерла моя последняя надежда. Я так надеялась, что Рома согласится вразумить наших родителей.

— Власова, у меня с головой все в порядке. А вот у тебя не очень. Я тебе этот салат оливье еще припомню. А теперь шуруй вниз и убирайся с моей вечеринки восвояси.

Ах вот как он заговорил!

— Ты первый начал! Зачем ты оскорбляешь меня прилюдно?

— Как я тебя оскорбляю?

— Классная попка с английского.

— Вообще-то это комплимент!

Последнее заявление Самохина обезоруживает меня. Комплимент?

— Это не комплимент, а издевательство и унижение, — шиплю и делаю грозный шаг к Самохину.

— Я тебе на голову салаты не переворачивал. Короче, Власова, я сочувствую твоей трагедии по поводу родителей. Однажды ты дойдешь до стадии принятия. А сейчас, пожалуйста, убирайся восвояси и не порти мне праздник своим присутствием.

У меня внутри все опускается. Рома выгоняет меня? За то, что я вывалила ему на голову салат? Или из-за наших родителей?

— Мне некуда пойти, я ушла из дома, — растерянно бормочу.

Слезы колют глаза. Я надеялась встретить Новый год тут, а потом поехать в аэропорт. Неизвестно, когда будет ближайший вылет в Сочи по нормальной цене. Как назло, на карте денег не очень много. А просить родителей докинуть не буду.

— В смысле ушла из дома!?

— Ну, не навсегда ушла. А только до конца праздников.

Мне надо где-то провести новогоднюю ночь, а потом я уеду в другой город. Просто родители вывалили на меня это все, а потом к нам пришли твои родители... В общем, я высказала им все, что я о них думаю, показала им в лицо фак, собралась и ушла.

Рома закатывает глаза.

— Чем ты думала, а? Видимо, не головой, а своей классной попкой.

— Хватит так меня называть! — рявкаю. — Сейчас еще один салат окажется у тебя на голове!

— Ладно, так уж и быть, оставайся на празднование. Но чтобы с первого января и до экзамена по английскому я тебя больше не видел.

Нет, ну вы только посмотрите. Он мне еще условия ставит. Но я не в том положении, чтобы выбирать. Встречать Новый год на вокзале или в аэропорту мне не хочется. Да и такси сейчас будет стоить бешеных денег, а мне надо поэкономить. Завтра днем доберусь до аэропорта общественным транспортом.

Но Самохин все равно вызывает во мне крайнюю степень раздражения.

— Кстати, у тебя маленький член, — небрежно бросаю напоследок, подходя к двери. И это, конечно, ложь. Но я хочу задеть Рому побольнее. А парни же сильно загоняются по поводу своих размеров. — Извини, что говорю это, — берусь за дверную ручку и опускаю ее, — но кто-то же дол-

жен сказать тебе правду, а то ты так и будешь думать, что ты неотразим и девушки от тебя в восторге. На самом деле нет. Просто ты из богатой семьи, поэтому ради денег они терпят твой маленький член, — подмигиваю. — Не расстраивайся, однажды ты дойдешь до стадии принятия.

Глава 5. Девушка

Я возвращаюсь в кухню-гостиную и плюхаюсь на свободный диван рядом со столом с бокалами алкоголя. Здесь не так шумно, как в другой гостиной у входа, к тому же меньше людей. Беру со стола бокал с шампанским, делаю глоток и оглядываюсь по сторонам. Я чувствую себя такой уставшей, как будто разгрузила вагон.

Только сейчас замечаю двух молодых людей в униформе, убирающих с поверхностей грязную посуду. Надо же, у Самохина тут официанты работают. Может, и повара нанял? Кто-то же приготовил закуски. И тот пресловутый салат оливье.

Кстати, о салате.

Встаю с дивана и вытягиваю шею, чтобы заглянуть за кухонный остров. Следов моего преступления нет. Уже кто-то убрал. Видимо, тут и уборщица имеется.

Я возвращаюсь обратно на диван. На меня почти никто не смотрит, ну и прекрасно. Среди присутствующих узнаю несколько человек из своего университета, это друзья Самохина. Но есть и незнакомые мне люди. Они кучкуются на втором диване в конце гостиной. О чем-то говорят и смеются.

Рядом со мной кто-то садится. Поворачиваю голову. Незнакомая девушка. Она робко улыбается мне и тянется че-

рез мою голову взять бокал со стола. Пригибаюсь, чтобы ей было удобнее. Когда она делает маленький глоток из бокала, рассматриваю ее краем глаза.

Незнакомка не вписывается в антураж вечеринки Самохина. Слишком скромная. На девушке черное платье, закрывающее все интересные места. И сама она почти без макияжа, а черные волосы разбросаны по спине.

— Плохой день?

Я не сразу понимаю, что она обратилась ко мне. До меня доходит, только когда она снова одаривает меня робкой улыбкой.

— Если честно, да. Весь год был прекрасным, но сегодняшний день перечеркнул все то хорошее, что было за весь год.

Я делаю новый глоток шампанского. Мне определенно требуется выговориться. Я сейчас буду, как те сумасшедшие из поездов, которые изливают душу попутчикам, зная, что никогда потом их не увидят.

— Это всего лишь один день из трехсот шестидесяти пяти, — успокаивает меня ровным безэмоциональным голосом психолога.

Я залпом допиваю шампанское и беру новый бокал.

— Я поругалась с родителями и ушла из дома, — воооот, я уже это начала. Прямо как в плацкартном вагоне поезда. — Ну, не навсегда ушла, а только до конца праздников. Хотя хотелось бы уйти навсегда. Если бы у меня была своя квар-

тира и работа, я бы так и сделала.

— Рома как-то в этом виноват? Извини, что спрашиваю. Просто я видела, как ты перевернула ему на голову салат.

— Нет, конкретно в этом Рома не виноват. Хотя я рассчитывала на его помощь с решением проблемы. Он мог бы мне помочь, но не захотел, — произношу с обидой. — А салат я перевернула на него, потому что он меня все время оскорбляет.

— Как? — округляет темно-карие глаза.

— Классная попка с английского.

Девушка прыскает от смеха. А вот мне не смешно.

— Ты разве не слышала? Он назвал меня так, когда я сюда вошла.

— Нет. Видимо, я с друзьями разговаривала, не слышала. Я заметила вас, только когда ты перевернула на Рому салат.

Мне теперь интересно, кто эта девушка. С виду милая, но она тут с друзьями. А значит, ее друзья — это друзья Ромы. А у него нормальных нет.

— Как тебя зовут? — спрашиваю.

— Влада. А тебя?

— Кира. За знакомство? — предлагаю тост, поднимая свой бокал вверх.

Мы чокаемся и отпиваем по глотку.

— Значит, ты подруга Ромы? — спрашиваю.

— Нет, — мотает головой. — Я только сегодня с ним познакомилась. Я здесь со своей лучшей подругой. Нас сюда

привел ее парень, а он друг Ромы.

— Да? Это кто?

— Артур Градов, — Влада указывает головой на второй диван в конце комнаты.

Я снова поворачиваю туда голову. Артура Градова я знаю. Он считается главным мажором в нашем универе. У него отец депутат Госдумы. Он учится на два года старше нас с Самохиным, в новом году выпускается. Я ни разу с ним не общалась, только знаю, что он чуть ли не самый богатый в нашем универе. А еще по Артуру сохнет добрая половина девчонок универа, включая мою лучшую подругу Вику.

— У Артура есть девушка? — удивленно переспрашиваю.

И ровно в этот момент к Градову подходит блондинка с тарелкой закусок и садится ему на колени. Берет пальцами маленький ломтик какого-то бутерброда и кормит Артура с рук.

— Да, это Юля, моя лучшая подруга.

Я борюсь с желанием достать из сумочки телефон и сфотографировать картину, как Градова кормит с рук стройная блондинка. Ведь если я словами скажу Вике, что у Градова есть девушка, она мне не поверит и потребует доказательств.

С другой стороны, не хочется портить лучшей подруге настроение в новогоднюю ночь. Она не то что бы прям влюблена в Артура, но он ей очень нравится. Как и многим девушкам в универе. Следует отдать Градову должное: я ни разу не видела, чтобы он с кем-то заигрывал. Значит, хранит вер-

ность своей блондинке.

— А вы не из нашего универа, верно? — возвращаю внимание к Владе.

— Да, мы с Юлей учимся в другом вузе.

— И давно твоя подруга с Артуром?

Вика потребует от меня подробностей.

— Несколько месяцев. А что? — с подозрением прищуривается.

— Да так, ничего, — отмахиваюсь. — Просто вдруг поняла, что никогда не видела Артура с девушкой. В смысле, девушек-то вокруг него как раз много, но я не видела, чтобы он с кем-то из них заигрывал или флиртовал.

Влада пожимает плечами.

— Юля и Артур недавно познакомились.

— И у них уже серьезные отношения?

— Эм, даже не знаю. Ну, мне кажется, они влюблены друг в друга. По крайней мере Юля точно влюблена.

Ну да, если девушка кормит парня с рук, то это однозначно по любви.

— А что насчет тебя? — резко перевожу тему на Владу, чтобы она не заподозрила моего повышенного интереса к Градову. — Ты одна или есть парень?

— Нет, я ни с кем не встречаюсь. А ты?

— У меня есть парень, но он сейчас в Сочи с другими моими друзьями. Представляешь, я не поехала с ними, потому что родители попросили меня остаться. Они хотели со-

общить мне какую-то невероятно важную новость, — тут я вспоминаю про свингерство, и мне снова требуется выпить. Делаю глоток шампанского. — А в итоге их новость оказалось настолько дерьмовой, что я с ними поругалась и ушла из дома. Теперь мне надо где-то провести новогоднюю ночь. Рома великодушно разрешил мне сделать это у него дома. Ну а завтра уже буду смотреть билеты в Сочи. Денег у меня не очень много. Если я не улечу к друзьям, то даже не знаю, где буду до десятого января.

Я заканчиваю длинную речь и залпом осушаю бокал.

— Мы тоже летим в Сочи кататься на лыжах, — внезапно говорит. — Только не завтра, а второго января. У Артура есть свой частный самолет. Ну, вернее, не у Артура, а у его родителей. Мы полетим на нем. Я ни разу не видела этот самолет, но Юлия рассказывала, что он достаточно большой. Если у тебя проблемы с деньгами на билет, ты могла бы полететь с нами, — неуверенно предлагает. — Хочешь, я попрошу Юлю, чтобы она спросила у Артура, будет ли место для еще одного человека?

Эту девушку мне послал сам Господь Бог...

Глава 6. Как Новый год встретишь...

До Нового года остается сорок минут. В кухню-гостиную потихоньку сползается народ из второй гостиной у холла. Официанты выставили столы с едой и напитками, поставили стулья, включили телевизор. Рома тоже пришел. Сидит в джинсах и рубашке во главе стола и общается с двумя блондинками. Флиртует с ними, заигрывает. Как будто его родители не развелись неделю назад и не занимаются свингерством с моими родителями. А блондинки так и заглядывают ему в рот и чуть ли не на колени к нему лезут. Обе одновременно.

Фу, смотреть противно, как они перед ним лебезят.

Я не хочу пересаживаться за стол, но Влада меня уговаривает. У меня складывается ощущение, что она на этом празднике жизни одна, как и я. Она пришла сюда с подружкой Юлей, а та кроме своего парня Артура Градова никого больше не замечает. Владе неуютно за столом в незнакомой компании, поэтому я решаю поддержать ее и сажусь за стол рядом с ней.

Каждый увлечен общением со своими друзьями. Нет праздничного единства, когда все ведут общую беседу. По телевизору идет старый новогодний фильм, но его никто не смотрит. Я периодически бросаю взгляды на Рому. Жду, что,

может, он тоже на меня посмотрит и прочтет по моим глазам мольбу о помощи. Мы должны вразумить наших родителей, донести до них, что они совершают чудовищную ошибку.

Но Рома слишком занят двумя блондинками. Он так с ними флиртует, ей-Богу, как будто собирается заняться сексом с обеими одновременно.

Не успеваю додумать эту мысль, как Рома и девушки встают из-за стола. Никому ничего не говоря, они уходят из кухни-гостиной. А все остальные настолько увлечены собой, что не замечают исчезновения хозяина праздника.

У меня начинается резкая головная боль. Я должна была быть сейчас в Сочи с Максимом, Викой и другими друзьями. Мы сняли большой дом на Красной поляне до конца праздников. А я поддалась на уговоры родителей и осталась. В итоге поругалась с ними, ушла из дома и сижу на празднике Самохина, который исчез в неизвестном направлении с двумя блондинками.

Что-то долго они не возвращаются. Старый год закончится через десять минут. Не собирается же Самохин заниматься с ними групповым сексом, в самом деле.

У Артура Градова звонит телефон. Он встает из-за стола, чтобы отойти к окну и поговорить. В этот момент Юля наконец-то обращает внимание на Владу. Короче, понятно. Юля из тех самых девушек, которые бросают своих подруг ради мужика. А если потом с мужиком расстанутся, приползают обратно к подругам. И так до следующего мужика. Печально.

— Юль, познакомься, это Кира, — представляет меня Влада. — Она учится вместе с Ромой.

— Очень приятно, я Юля, — одаривает меня улыбкой. Но глаза ее не улыбаются. Не потому что она зло ко мне настроена, а потому что ей в принципе наплевать на меня.

— Взаимно.

— Кира тоже собирается в Сочи, — продолжает Влада. — Но у нее пока нет билета. Она могла бы полететь с нами? Спросишь Артура? У него же большой самолет.

Юля моментально меняется в лице, как будто ее просят подарить мне миллион. Она смеряет Владу взглядом «ты-в-своем-уме?». Выдавливает из себя сдержанно.

— Я не знаю... Нас и так много. А самолет не такой уж и большой...

— Вы о чем? — Артур возвращается на свое место. Сначала смотрит вопросительно на свою девушку, затем вскользь мажет по мне и останавливается с немым вопросом в глазах, глядя на Владу.

— Эм... Я спросила у Юли... — Влада неуверенно мнет-ся.

Короче, понятно. Юля не хочет брать меня на борт, а Влада боится идти против желания подруги. Но наглость — второе счастье. К тому же за спрос денег не берут.

— Артур, в твоем самолете не найдется для меня местечка? Мне тоже надо в Сочи.

Кажется, это первый раз в моей жизни, когда я заговорила

с Артуром. Я даже не уверена, знает ли он меня. Вика сойдет с ума, если узнает, что я разговаривала с Градовым.

— А мы знакомы? — всматривается в мое лицо.

Как я и думала, он понятия не имеет, что мы учимся в одном универе и на одном факультете, просто с разницей в пару лет. И то, что мы почти каждый день обедаем в одной столовой за соседними столиками, ему тоже неизвестно.

— Кира учится вместе с Ромой, — отвечает за меня Влада. — Вы в одном университете. Ей тоже нужно в Сочи, поэтому я подумала, что, может... — Влада замолкает, поймав на себе тяжелый взгляд Юли.

Мне уже неудобно, что подруги из-за меня поссорятся.

— Да, конечно, — внезапно отвечает Артур. — Одно место точно найдется. Мне нужны данные твоего паспорта.

Я не верю своему счастью!

— Да-да, конечно. — Снимаю со спинки стула свою сумочку и достаю удостоверение личности.

Пока Артур не передумал, сую ему под нос первую страницу своего паспорта. Игнорирую недовольную Юлю. Иди в задницу, ревнивая сучка. Мне твой Артур на фиг не сдался. Мне только нужно бесплатно долететь до Сочи.

Градов делает снимок первой страницы.

— Прямо сейчас отправлю ответственному за организацию полетов, чтобы добавил тебя в список пассажиров.

— Спасибо большое, Артур! — восклицаю на радостях.

Вика умрет, когда узнает, что я полечу в Сочи вместе с

Градовым на его самолете.

— Детали вылета будут известны первого числа вечером. Влада тебе передаст.

Еще мне очень хочется обнять Владу и чмокнуть ее в щеку. Но меня сдерживает недовольная физиономия Юли. Она сверлит меня недобрым взглядом. Боже мой, какая стерва. Что я ей сделала? Можно подумать, я ей с Артуром романтическое свидание обломала. И без меня в самолете, насколько я понимаю, будет полно людей.

До Нового года остается три минуты. Ромы нет. Двух блондинок, с которыми он удалился, тоже. Ко мне закрадывается догадка.

Семейка извращенцев!

Сыночек недалеко от родителей ушел.

Я вскакиваю со стула и под недоуменный взгляд Влады выбегаю из кухни-гостиной. Мчусь к лестнице на второй этаж, пролезаю под красной лентой и взлетаю вверх по ступенькам. За несколько секунд преодолеваю расстояние по коридору. Запыхавшись, торможу у двери в комнату Ромы.

Прислушиваюсь.

Но слышны только работа телевизора на первом этаже и голоса гостей. Подставляю к замочной скважине ухо. Ничего.

А потом вдруг громкое:

— О, да, Рома!

Не успев обдумать свои действия, распахиваю дверь и вла-

мываюсь в комнату. Но тут же резко столбенею.

Картина маслом.

Самохин лежит на кровати голый, а по бокам от него две блондинки. Обе в одних стрингах-ниточках, трутся о Самохина неестественно большими сиськами. Увидев меня, вскакивают с криком, как ужаленные:

— АААААА, — и судорожно хватают свою разбросанную одежду.

Самохин подпрыгивает на кровати.

— Власова, блядь! Какого хера!?

Он схватил с пола свои джинсы и пытается их натянуть. А я снова залипаю, глядя на его член. Он стоит колом, из кончика сочится смазка.

Увидеть член Самохина дважды за вечер — это слишком.

Девушки, продолжая визжать, напяливают на себя платья и выбегают из комнаты. Мы с Ромой остаемся вдвоем.

Он злой.

Я тоже.

— Извращенец гребанный! — набрасываются на него. — У вас это семейное, да!?

Рома натянул джинсы, но не застегнул их. Из ширинки выглядывает кончик его члена.

— Власова, ты вконец охренела! Тебе никто не разрешал сюда заходить!

— Ты серьезно собирался заняться сексом с этими двумя?

— Да! Потому что как Новый год встретишь, так его и

проведешь!

— Вы семейка извращенцев! — верещу. — Я напишу на вас заявление в полицию!

— Урааа! С Новым годом!!!! — доносится снизу. Мы с Ромой замираем. Наступил Новый год? — Россия священная наша держава... — поет снизу гимн.

— Ну охуеть! — Рома хватается за голову. — Я хотел встретить Новый год с двумя офигенными девушками в своей постели. А в итоге встречаю его с обломанным сексом, стояком и с тобой, Власова!

— Как Новый год встретишь, так его и проведешь, — дразню ехидно.

Глава 7. Шампанское и сигарета

На улице начинается фейерверк. Из окна Роминой комнаты хорошо видно, как небо озаряется разноцветными искрами. Рома застегивает джинсы до конца и без сил падает на кровать. Смотрит в потолок, подложив под голову руки. На секунду мне становится его жаль. Не надо было так вламываться.

Но раз я здесь, решаю предпринять еще одну попытку достучаться до Самохина. Закрываю плотно дверь и поворачиваю в ней замок. Кстати, мог бы и сам закрыться, когда уединился с блондинками. Кто вообще занимается сексом с открытой дверью, когда в доме полно посторонних людей?

Вытаскиваю из-за стола стул, разворачиваю его к кровати и сажусь.

— Чего тебе, Кира? — спрашивает уставшим обреченным голосом.

Вау. Рома назвал меня по имени. Значит, он все же знает его.

В груди теплится надежда.

— Ром, пожалуйста, мы должны отговорить наших родителей. Мы должны донести до них, что они совершают ошибку.

Он брезгливо морщится. Не понимаю, что это значит.

— Пускай делают, что хотят. Тебе не по фиг?

— Конечно, не по фиг! Это мои родители! Как вообще может быть по фиг!?

— От чего ты собираешься их отговорить? Уже все произошло.

— Нет, еще не все произошло. Как минимум, их можно попытаться отговорить от женитьбы.

— Ну если они уже перевлюблились друг в друга.

— Это не любовь, а помутнение рассудка!

Рома переводит взгляд с потолка на меня. Тишину комнаты прерывает только звук фейерверка за окном. Я люблю смотреть салют. Но сейчас мне совсем не до него. А еще мой взгляд медленно сползает в лица Ромы на его торс. Голый.

Силой заставляю себя вернуться обратно к лицу.

— Кира, мой тебе совет: отстань от них. Это их жизнь, пускай живут как хотят.

Качаю головой.

— Рома, ты спятил точно так же, как твои родители. Ты не понимаешь, что ты несешь.

— Представь ситуацию наоборот: ты любишь парня, хочешь за него замуж, а твои родители вмешиваются и не дают вам пожениться. Тебе бы понравилось?

— Это совершенно разные ситуации, их даже сравнивать нельзя. У меня нормальный парень, не извращенец и не свингер! И я не занимаюсь групповым сексом, — последнее произношу с толикой яда, намекая на Рому и блондинок.

Рома пристально на меня смотрит, сведя брови на пере-

носице.

— Нормальный парень? Это вот этот придурок, с которым ты обжимаешься в коридорах универа?

— Максим не придурок, — вспыхиваю. — Эй, выбирай выражения, когда говоришь о моем парне.

— Да у него на лбу написано, что он придурок.

— Это у тебя на лбу написано, что ты придурок, — рычу.

Самохин смеется.

— Кстати, а почему ты не со своим парнем?

— Потому что он в Сочи. Я тоже собиралась лететь, но родители уговорили меня остаться, потому что хотели сообщить мне нечто очень важное. В итоге я встречаю Новый год с тобой, — брезгливо морщусь.

Рома садится на кровати и смотрит в окно, за которым продолжает сиять фейерверк. Затем, вздохнув, встает с постели, поднимает с пола футболку и надевает. Ура! Наконец-то он оделся!

При все при том, что Самохин ужасно бесячий тип, нельзя отрицать: он хорошо сложен. И да, теперь я понимаю, чем он цепляет девушек.

Рома подходит к комоду, берет с него бутылку шампанского. Видимо, принес сюда для блондинок. Отодвигает верхний ящик и вынимает пачку сигарет с зажигалкой.

— Не знала, что ты куришь, — удивляюсь.

У нас на потоке есть несколько курящих компаний. Их видно за версту. Постоянно между парами кучкуются у входа

в универ и курят. Когда их оттуда прогоняют, уходят дымить на лавочки во внутреннем дворике.

— Я не постоянно, а только по особым случаям.

— Сегодня — особый случай?

— Ну да. Ты обломала мне секс с двумя офигенными девушками. А еще пристала ко мне, как банный лист, с дурацкой просьбой вразумить родителей. Чем не повод закурить и выпить?

Рома садится на край кровати возле окна. Снимает фольгу с шампанского и с тихим хлопком открывает бутылку. Делает глоток с горла и протягивает мне:

— Будешь?

Я секунду медлю. Пить с Самохиным из одной бутылки? Без стаканчиков?

А впрочем, я дважды за вечер видела его член. Так что выпить с ним из одной бутылки — это уже не самое страшное.

Беру из его рук шампанское и тоже делаю глоток. Холодные пузырьки приятно взрываются во рту. Я медленно глотаю игристый напиток, чувствуя, как голова начинает слегка кружиться.

Рома отодвигает от окна занавеску и открывает одну створку. Достает из пачки сигарету и прикуривает. Я делаю еще глоток и смотрю, как он глубоко затягивается. Оранжевый огонек на кончике папиросы ярко загорается, сжигая табак, завернутый в бумагу. Подержав секунду дым в себе, Ро-

ма медленно выпускает его в окно. Порывом ветра его заносит обратно в комнату. Я глубоко вдыхаю и тут же кашляю. Сделав еще глоток шампанского, возвращаю бутылку Роме.

— Знаешь, а я никогда не курила.

Самохин удивленно на меня глядит, делая новую затяжку.

— Вообще ни разу?

— Ага.

— У тебя какой-то принцип?

Пожимаю плечами.

— Нет, просто не тянуло никогда.

— Даже из любопытства?

— Угу.

— Хочешь попробовать? — протягивает мне свою сигарету.

Гляжу на нее с сомнением. В любой другой ситуации я бы отказалась. Но сегодня был ужасно длинный и тяжелый день...

Родители развелись.

Они стали извращенцами-свингерками.

Они женятся на родителях самого бесячего типа моего универа.

Я сижу в его комнате.

Я дважды за вечер видела его голым.

Он станет моим сводным братом?

Мать Божья...

Здесь без сигареты не обойтись.

Беру из рук Ромы папиросу. Верчу ее в руках. На кончике скопился пепел.

— Только глубоко в легкие не затягивайся, а то сильно кашлять будешь. Первый раз лучше только в рот набрать.

Зажимаю сигарету губами. Терпкий едкий вкус заставляет поморщиться. Самохин наблюдает за мной со смехом, как за ребенком, который собирается первый раз сесть на велосипед.

Ладно, была не была. Тяну на себя воздух. Сигаретный дым моментально наполняет рот. Фу, гадость. Начинаю кашлять и возвращаю папиросу Роме. Он стряхивает с нее пепел в окно.

— Я же говорил, не набирай к легкие.

— Я и не набирала. Только во рту дым держала. Но все равно противно.

Откашлявшись, беру со стола шампанское и делаю глоток. Кажется, это было ошибкой.

Алкоголь после сигареты — не лучшее решение.

Голова резко закружилась. Комната начала вращаться перед глазами.

— Ты в порядке?

— Что-то меня повело.

— Подойди к окну, подыши.

Рома выбрасывает сигарету вниз и берет меня под руку, чтобы было легче подняться. С его помощью делаю два шага к окну и высовываю на мороз голову. Сигаретный дым

еще витает в воздухе, но значительно меньше. С каждым новым вдохом мне становится легче. Кто-то вдалеке продолжает взрывать красивые фейерверки, поблизости слышатся голоса. Может, Ромины гости вышли во двор, а может, это чужие люди с улицы. Одинокие снежинки кружат в воздухе. Много снега навалило. Красиво. Как в Американских фильмах про Рождество.

В груди появляется щемящее чувство. А еще вдруг, несмотря ни на что, я отчетливо ощущаю запах и вкус Нового года.

Я возвращаюсь на свой стул, когда замерзает голова. Рома закрывает окно и садится обратно на кровать. Берет со стола бутылку, делает новый глоток и протягивает мне. Я немного сомневаюсь, но в итоге принимаю ее. Отхлебываю совсем чуть-чуть.

Мне нужно достучаться до него.

— А мы с тобой станем родственниками, если наши родители поженятся, — предпринимаю новую попытку.

— Предлагаю не трепаться об этом в универе.

— То есть, сам факт родства со мной тебя не смущает? — выгибаю бровь.

— Да ну, какая ты мне на хрен родственница, Кир.

— Мне приятно, что ты знаешь мое имя, — не могу удержаться от довольной улыбки.

— Классная попка тебе больше подходит.

— Эй, хватит! — толкаю его ногой.

— Ладно-ладно. Но задница у тебя правда классная. Ты занимаешься спортом?

— Не беси меня, — рычу.

— Я серьезно. Ты занимаешь спортом?

— Раньше занималась спортивной гимнастикой. Но уже давно нет.

— Почему бросила?

Он специально перевел тему разговора на меня? Я должна уговорить Рому!

— А как и где мы будем жить, если наши родители пожестятся? Здесь найдется для меня комната?

Может, Роме не понравится, если я сюда перееду и постоянно буду обламывать ему секс с разными блондинками?

— Я во время учебы живу в Москве в своей квартире. Сюда приезжаю только на выходные и на каникулы. Так что вряд ли мы будем часто сталкиваться.

Ну вот, разбилась моя последняя надежда. Я полагала, Рома не захочет меня в своем доме. Он же разрешил мне остаться здесь только на новогоднюю ночь. А потом, сказал, не хочет видеть меня вплоть до самого экзамена по английскому в середине января.

— Я не понимаю, как ты можешь быть так спокоен и безразличен! — восклицаю. — Рома! Да очнись ты! Это же безумие!

— Мы не можем на это повлиять. Смирись.

— Нет! Мы можем повлиять! Мы можем отговорить их!

Мы их дети! Они должны прислушаться к нам!

Я аж вскакиваю со стула.

— Кир, они там поперетрахались друг с другом сто раз. От чего ты собралась их отговаривать?

Я падаю обратно на стул и закрываю лицо ладонями.

— Ты даже не хочешь попытаться, — бросаю обвинительно. — Ты сдался, даже не попробовав.

По звукам понимаю: Рома берет со стола шампанское и делает несколько новых глотков.

— Я просто не стучусь в закрытые двери.

Поднимаю на Рому лицо. Он подкладывает себе под спину подушку и устраивается удобнее. Невозмутим и спокоен, как будто его родители не женятся на моих.

— Знаешь, Кир, я тебе совет дам.

— Какой ты можешь дать мне совет? Дойти до стадии принятия?

— Нет.

— А какой?

— Не смотреть на другие пары, а посмотреть на свою.

Я прищуриваюсь, не понимая, к чему Рома клонит.

— Глотнешь? — протягивает мне бутылку.

— Ты это к чему? — игнорирую протянутое шампанское.

— Поверь: если я говорю, что твой парень придурок, то значит он реально придурок. Ты лучше в своих отношениях сначала разберись, а потом в чужие лезь.

Рома встает с кровати и собирается уйти.

— Эй, ты куда?

— Мне надо к гостям.

Глава 8. Поздравления

Мне нет смысла сидеть в одиночестве в комнате Ромы, поэтому я тоже спускаюсь к гостям. Народ рассредоточился по нескольким точкам: улица, гостиная у холла, где музыка, кухня-гостиная, где потише. Влада сидит одна на диване в кухне-гостиной. Подсаживаюсь к ней.

— С Новым годом, — поздравляет меня первой.

— С Новым годом.

— Куда ты убежала?

— К Роме. Мне нужно было срочно поговорить с ним.

Я вспоминаю, как ворвалась к нему в комнату во время тройничка, и одновременно испытываю смесь стыда и злорадства.

Стыда — потому что я поступила невоспитанно.

Злорадства — потому что нефиг заниматься сексуальными извращениями.

— Успешно?

— Не очень. Он по-прежнему не хочет помогать мне.

— Рома недавно пришел. Был очень злой и недовольный.

Искал каких-то двух девушек, но они, видимо, ушли.

Блондинок искал, значит. Хотел продолжить начатое. Вот же упертый. Лучше бы он с таким упорством пытался вразумить своих извращенцев-родителей.

Но если это у них семейное, а по всей видимости имен-

но так и есть, то мне не следует надеяться на помощь Самохина. В горле встает тугой ком. Я отворачиваюсь от Влады, чтобы она не увидела выступившие на глаза слезы. Многие присутствующие гости сидят в телефонах. Кто-то разговаривает, кто-то печатает сообщения. Новый год, все друг друга поздравляют.

А меня кто-нибудь поздравил?

Когда я побежала к Роме, оставила сумочку висеть на спинке стула. Встаю с дивана и иду за сумкой. Когда возвращаюсь обратно и достаю айфон, вижу на экране только один пуш с входящим сообщением: от мамы.

«Кирочка, дорогая. Мне очень жаль, что так случилось. Мы с папой поступили неосмотрительно, сообщив тебе такую новость в Новый год. Мы очень виноваты перед тобой. Пожалуйста, не сердись на нас, дорогая. Мы тебя очень любим. А еще мы сильно за тебя переживаем. Где ты сейчас? Напиши, если тебя нужно забрать. Я приеду прямо сейчас».

Я не выдерживаю. Слезы катятся по щекам. Мама! Моя любимая мамочка. Самая нежная и самая добрая в мире. У меня совершенно не вяжется в голове, как моя мама может...

А вдруг это была неудачная шутка? Просто это же моя мама. Она же не такая...

«Мама, привет. С Новым годом. Со мной все хорошо. Я поехала праздновать к своему однокурснику. Он устроил небольшую вечеринку. Второго января я полечу в Сочи к Максиму. Вернусь домой одиннадцатого».

Сейчас гнев на маму улетучился, но я все же не хочу говорить, что нахожусь в гостях у сына Альберта и Нади. Мне теперь хочется прижаться к маме и заснуть у нее в объятиях, как в детстве.

«Кира, слава Богу ты ответила! Я так переживала. Хорошо, конечно, поезжай в Сочи, как ты и хотела. Зря я уговорила тебя остаться на Новый год дома. Тебе нужны деньги для поездки?».

Я на мгновение задумываюсь. Деньги мне действительно нужны, на карте не очень много осталось. Но почему-то все равно не очень хочется просить у родителей. Думаю, мне пока хватит той суммы, что есть на карте. А если произойдет что-то экстренное, я попрошу у мамы.

«Не надо, деньги есть».

Мама сразу читает мое сообщение, но ничего не отвечает и выходит из онлайна. А через пару десятков секунд мне приходит смс от банка о пополнении моей карты на круглую сумму.

Мама появляется в сети.

«Я все равно перевела тебе. Мне будет спокойнее, если я буду знать, что ты с деньгами».

Слезы снова градинами катятся по лицу. Мамочка, мамочка, я так люблю тебя... Зачем же вы с папой это делаете?

«Хорошо, спасибо. С Новым годом вас с папой. После праздников увидимся. Не обижайтесь на меня».

«И ты на нас не обижайся».

Я заливаю слезами все вокруг. Влада молча протягивает мне упаковку сухих салфеток. Шумно высмаркиваюсь в нее. Затем Влада подает мне бокал с шампанским. Я уже прилично сегодня выпила, но не отказываюсь. Возможно, напиться и уснуть — это то, что мне сейчас нужно?

Кстати, а где я буду спать в этом большом и прекрасном доме?

— А ты здесь на всю ночь? — спрашиваю Владу.

— Да. Домой поеду первого января, буду собираться в дорогу.

— А где ты здесь будешь спать?

— Рома выделил для нас с Юлей комнату с двумя кроватями. Но Юля скорее всего будет спать с Артуром, так что вторая кровать свободна. Можешь занять ее.

Мне определенно нравится эта девушка. Она понимает меня без слов.

— Спасибо тебе большое. Ты меня сегодня кучу раз спасла.

Влада машет рукой.

— Не стоит благодарности. Мне было не сложно.

Я смотрю на время на экране своего мобильного. Без пятнадцати час ночи. В плечах и спине я чувствую тяжелую усталость, как будто все проблемы мира разом навалились на меня. Внезапно понимаю, что с Новым годом меня поздравила только мама. От Максима нет ни пропущенных вызовов, ни пропущенных сообщений. От других друзей, кото-

рые сейчас в Сочи, тоже. Даже от Вики.

Им там так весело, что они про меня забыли?

— Мне надо сделать пару звонков, — говорю Владе и встаю с дивана.

Меня слегка ведет от количества выпитого шампанского. В доме слишком шумно, поэтому я собираюсь выйти на улицу. К тому же мне не мешает подышать свежим воздухом. Я надеваю в холле пуховик, обуваю угли и выхожу во двор. Морозный воздух приятно холодит лицо и прочищает мысли. Калитка на улицу открыта, за ней стоит курящая компания. Среди них Рома, но без сигареты. Он замечает меня, но ничего не говорит и сразу отворачивается к друзьям. Я отхожу в сторону сада и встаю под высокой елью.

Звоню Максиму. Не берет трубку. Набираю еще несколько раз подряд. С четвертой попытки я слышу не то сонное, не то пьяное:

— Алло.

— Привет, Макс. С Новым годом!

На заднем фоне у моего парня играет музыка. Значит, все-таки пьяный.

— Кира! — восклицает так, будто только очнулся. Может, он все-таки спал, несмотря на празднование вокруг? — Черт... Прости, что-то я совсем! С Новым годом! Люблю тебя!

В данный момент ни поздравление Макса, ни признание в любви не греют мне душу. И дело не в том, что мое настро-

ение безнадежно испорчено разводом родителей. Он произнес это как-то странно. Но пока не могу понять перемену в его голосе и интонации.

— И я тебя люблю. Желаю, чтобы в новом году у нас все было хорошо.

— Да, конечно! Именно так и будет!

Все-таки пьяный. Язык заплетается.

— Как у вас там дела? Все хорошо?

— Пойдет. Без тебя скучно.

Ага, так скучно, что никто из вас не вспомнил, что меня надо поздравить. Особенно ты.

Я проглатываю обиду. Хотя на самом деле мне хочется выкатить Максу кучу претензий. Но просто мы тогда сейчас поругаемся. А я сыта ссорами. Для одной ночи их было слишком много.

— Понятно. Чем планируешь заниматься?

— Да спать сейчас пойду, — зевает.

Если сначала я хотела сказать Максиму, что скоро приеду, то теперь я передумала. Сделаю-ка ему сюрприз.

— Ясно. Ладно. Я тоже пойду спать. Устала сегодня очень.

— А как ты отпраздновала? С родителями?

Я секунду думаю, говорить ли правду.

— Да, с родителями, — решаю соврать. — К нам пришли их друзья. Было уныло и скучно. В общем, ладно, Максим, давай. Спокойной ночи.

— Скучаю по тебе, Кир. Тебя так не хватает здесь.

— Мне тоже тебя не хватает. Пока!

Я бросаю трубку. Новые слезы подступают к глазам.

Максим напился и забыл меня поздравить!

Как можно забыть про человека, которого любишь!?

Я делаю глубокий вдох, чтобы унять бурю внутри. Когда немного успокаиваюсь, звоню Вике. В отличие от Максима она принимает вызов сразу.

— Алло, красотка! — кричит в трубку. — С Новым годом!

Вика трезва — раз. У нее на заднем фоне та же музыка, что была у Максима — два. Значит, они находятся в одном помещении. Это хорошо.

— Привет, Вика! — имитирую такой же восторг, как у нее. — С Новым годом! Юхуууу!

— Как твои дела?

— Да у меня нормально. У вас что интересного?

— Ой, у нас с самого утра приключения. Сначала Игорь пробил колесо на машине, которую мы взяли напрокат. Потом у Даши поднялась температура до тридцати девяти, а лекарств ни у кого с собой не оказалось. Мы вызвали ей скорую, а потом Игорь с пробитым колесом поехал в аптеку. Сейчас Дашка спит. Она уснула в девять, и мы не стали ее будить. Света ходит всем недовольная. Якобы коттедж оказался не таким, каким был на фотографиях, — я чувствую по голосу подруги, как она кривится. — Хотя, по-моему, здесь все соответствует фото, и даже лучше. Ну ты же знаешь Све-

ту, — понижает голос, — ей вечно все не так. Ну а в остальном у нас все нормально. Только тебя не хватает.

Они все говорят, что меня не хватает, но никто из них не поздравил меня первым. Как будто забыли про меня.

— А как Максим? Чем он сегодня занимался?

Вика — мой маленький шпион.

— Не знаю. Да ничем особо.

— Как-то не очень информативно.

— Ну, сначала занимался с Игорем пробитым колесом. Потом немного помог нам со Светой накрыть на стол. Вызвал Даше скорую.

— А сейчас он что делает?

— Не знаю. Не вижу его.

— Как не видишь? — изумляюсь. — Разве вы не в одной комнате? Я только что ему звонила, у него играла та же музыка, что у тебя сейчас.

— Да? Не знаю, его нет за столом. Ну, музыка достаточно громко играет, может, и в другой комнате ее слышно. Но за столом Максима сейчас точно нет.

Я растерянно молчу.

— А что? — в голосе подруги появляется тревожность.

— Да так, ничего. Просто он забыл поздравить меня с Новым годом.

— Слушай, да он пьет часов с девяти, если не с восьми.

— Да, я почувствовала это по его голосу.

— А у тебя еще что интересного?

— Я отмечаю Новый год у Ромы Самохина, — выпаливаю.

— Чего???? И ты молчишь! Как ты, блин, там оказалась?

— Это долгая история, не спрашивай. А еще здесь Артур

Градов со своей девушкой, — почти шепчу в трубку.

Вика растерянно молчит пару секунд.

— Бляха, Кира! И ты расспрашиваешь меня про наши скучные дела, когда у самой там жизнь ключом бьет? Я хочу знать все подробности. Особенно про Градова, — Вика взволнованно вздыхает.

Я оглядываюсь по сторонам. Рядом со мной никого нет, но кто его знает, может за забором слышно мой голос. А там стоит курящая компания вместе с Ромой.

— Я потом тебе все расскажу. — Замолкаю на миг, сомневаясь, говорить ли Вике, что я скоро приеду к ним. Наверное, лучше не говорить. Не знаю, почему хочу скрыть свой приезд от подруги. Но, думаю, пока лучше так. — Ты только Максиму не говори, что я отмечаю НГ у Самохина, ладно?

— Кира, я — могила.

— Хорошо, Вик, я пойду.

— Блин, Кира, ну кто так делает? Бросила мне затравку и сваливаешь!

— Я расскажу тебе все во всех подробностях. Но попозже. Сейчас мне не очень удобно разговаривать.

— А у Градова красивая девушка? Красивее меня? — спрашивает вдогонку.

Я закатываю глаза.

— Она сучка крашенная, — произношу чистую правду.

— И везет же таким. Вечно у них лучшие парни, — разочарованно цокает.

Что правда, то правда.

В этот момент открывается дверь дома, и выходят Артур с Юлей, держась за руки. Стерва сразу впивается глазами в меня.

— Пока, Вик, я пойду.

Кладу трубку.

Внезапно Юля отпускает ладонь Градова и направляется прямо ко мне.

Глава 9. Не то ложь, не то правда

Она идет так уверенно и стремительно, не обращая внимания на хруст снега под своими ногами, что я непроизвольно делаю шаг назад, но упираюсь затылком в колючую еловую ветку. Приходится отступить чуть в сторону. Скрещиваю руки на груди. Это мой защитный жест.

— Привет еще раз, — Юля растягивает губы в улыбке, как у голодной гиены. — Напомни, пожалуйста, как тебя зовут?

— Кира.

— Да, точно, Кира. Ты учишься вместе с Артуром, верно?

— Если точнее, то с Ромой. А что?

— Просто пытаюсь понять, кто ты. Я на этой вечеринке почти всех знаю. А ты новое незнакомое лицо, — и снова улыбочка. Она изо всех сил старается быть вежливой, но сучье нутро пробивается наружу против ее воли. Это как если гадюка будет очень стараться не жалить ядом, но против природы не попрешь.

— Мы с Ромой близки, — брякаю, а следом прикусываю язык, но уже поздно.

Юля удивленно приподнимает брови. Ну а что? Мы с Самохиным без пяти минут родственники.

— Можешь сама у него спросить, — добавляю зачем-то.

— Ты встречаешься с Ромой?

— Оу, нет, что ты! Ни в коем случае. Мы, можно сказать,

родственники.

Я не знаю, улавливает ли Юля, что я говорю с ней язвительным тоном. Мне кажется, нет. Может, зря я, конечно, сморозила эти глупости, но слово не воробей. К тому же мне хочется заткнуть Юлю по пояс.

— Родственники? — моментально поджимает хвост. Если бы она сразу знала, что я Самохину не чужая, то была бы со мной вежливее.

— Да, мы родственники. Не близкие. Но все равно родственники. Мы, типа, как брат и сестра. Но не родные.

Лицо Юли застывает в немом изумлении. Пока она смотрит на меня, не мигая, замечаю, как снежинки падают на ее неестественно длинные ресницы и тут же тают.

— Двоюродные? — уточняет.

— Скорее, троюродные.

Выражение физиономии этой крашеной сучки стоило того, чтобы нагородить такую ересь.

— Кхм, я не знала, — нервно заправляет волосы за ухо.

— Да, мало кто знает, но я тут, — показываю на высокий коттедж за Юлиной спиной, — можно сказать, у себя дома.

Голубые глаза сучки расширились и стали как по пять рублей.

— Возможно, я скоро буду здесь жить постоянно, — добавляю. — Так что, Юль, не стесняйся, чувствуй себя как дома. Я на правах хозяйки разрешаю. Скажи, пожалуйста, тебе на вечеринке всего хватило? Еды, напитков?

— Д-да, все в порядке.

— Если что-то будет нужно, говори Роме, не стесняйся.

— Х-хорошо.

— Ты уже видела вашу с Артуром комнату?

— Да.

— Тебя там все устроило? Кровать, мебель, вид из окна?

— Да, вполне. А что?

— Ну если что-то будет не так, тоже говори Роме, он переселит вас в другую спальню. Может, уступит вам свою. У него большая кровать, — говорю со знанием дела.

— Я думаю, все будет нормально.

— Ну хорошо, — одариваю Юлю улыбкой. — Ладно, я пойду в дом, проверю, как там себя чувствуют остальные гости. Увидимся.

Не дожидаясь от Юли ответного прощания, я обхожу ее и спешу в дом. Только внутри понимаю, как же сильно бурлит адреналин в крови от моей не то лжи, не то правды. Я сочинила Юле с три короба, а если вдуматься, то не такая уж это и ложь. Если моя мама выйдет замуж за папу Ромы, а мой отец женится на его матери, разве это не будет и мой дом тоже? Тем более что сам Рома не против моего здесь проживания.

Я иду в кухню-гостиную в поисках Влады. Она сидит на диване с бокалом шампанского и смотрит в телефон.

— Как ты себя чувствуешь? Не устала? — плюхаюсь на диван рядом с ней.

— Если честно, устала и не против пойти лечь спать.

— Знаешь, а я тоже. Где там эта комната, которую тебе Рома выделил?

— Она на втором этаже, но лестница перекрыта красной лентой. Видимо, туда нельзя подниматься.

— Можно, — встаю с дивана. — Пойдем.

Влада секунду мнется, а потом залпом осушает остатки шампанского в полупустом бокале и тоже встает на ноги. В холле я достаю из-под банкетки свою сумку с вещами, мы с Владой пролезаем под красной лентой и поднимаемся на второй этаж. Моя новая подруга открывает вторую дверь по коридору и зажигает сбоку на стене свет.

— Вот такую комнату нам с Юлей выделил Рома. Но она будет спать с Артуром, естественно.

На последней фразе я замечаю в голосе Влады странные нотки. Не то обида, не то претензия, не то ревность. Наверное, Влада чувствует себя брошенной со стороны Юли. Если они много лет были подругами, а потом Юля кинула Владу, начав встречаться с Артуром, то обида Влады понятна. У меня всегда вызывали раздражение девушки, которые бросают лучших подруг ради очередного мужика.

— Здесь миленько.

Я кидаю сумку с вещами на пустую кровать. На второй уже лежат вещи Влады. Комната небольшая, стены выкрашены в бежевый цвет. У стен стоят односпальные кровати с тумбочками, а между ним шкаф для одежды. Еще есть письменный стол со стулом, а на стене висит маленький телеви-

зор.

Я ложусь на кровать поверх покрывала и вытягиваю гудящие ноги рядом со своей сумкой. Чувствую себя мертвецки усталой. Шея и лопатки ноют, как будто я разгружала вагон с углем. Глаза начинают слипаться, но в идеале я бы хотела еще добраться до душа.

Влада словно читает мои мысли. Снова.

Эта девушка точно послала мне свыше.

— Ванная — соседняя дверь по коридору, — говорит.

— Угу, найду только в себе силы снова подняться на ноги.

Я перестаю бороться с сонливостью и опускаю веки. Только минуточку так полежу и пойду в душ.

Приятная тяжесть окутывает тело. Ноги и руки становятся ватными, а мысли превращаются в кисель. Да и какие могут быть мысли? О чем? Завтра обо всем подумаю. А сейчас...

— ВЛАСОВА! — раздается громко и грозно моя фамилия.

Я резко подскакиваю на постели. Не понимаю, где нахожусь. Свет выключен, я в каком-то незнакомом помещении.

— ВЛАСОВА! — повторяется ближе. В следующую секунду дверь в комнату распаивается, и на пороге появляется злой, как собака, Рома.

Глава 10. Кладовка

За секунду в голове все встает на свои места. Я поругалась с родителями, ушла из дома и встретила Новый год у Самохина. А потом мы с Владой пошли наверх в комнату, и я уснула прямо в платье и с косметикой на лице. Добрая Влада накрыла меня сверху одеялом.

— Власова, ты вконец охренела!/? — Рома нависает надо мной. От него исходят волны ярости и негодования.

— Что случилось? — это не я спрашиваю, а сонная Влада.

Рома, заметив ее, слегка конфузится. Но всего на мгновение, потому что в следующее он хватает меня за руку и рывком поднимает с кровати.

— Пойдем, есть разговор.

Самохин не спрашивает моего мнения, а силой волочит меня из комнаты в коридор. Попад в яркое освещение, я окончательно просыпаюсь.

— Что случилось? Куда ты меня тащишь? Который вообще час?

Я думала, Рома волочит меня в свою комнату, но когда он проходит собственную спальню, меня охватывает тревога. Он открывает дверь в самом конце коридора по центру и буквально впахивает меня туда. Здесь темно, но в лучах света из коридора я замечаю, как поднимается пыль. В нос тут же проникает старый затхлый запах, я чихаю. Рома про-

тискивается в тесное помещение вслед за мной и захлопывает дверь.

Мы остаемся наедине в крошечной темноте тесной каморки. Что-то давит мне в спину и в бок. Я не могу ни отступить, ни выбраться из тисков. Только вижу, как темные глаза Самохина сверкают недобрым блеском.

— В чем дело? Куда ты меня притащил?

— Это кладовка.

— Зачем нам находиться в кладовке? Выпусти меня отсюда! — я пытаюсь оттолкнуть Рому, но не тут-то было. Он возвышается надо мной как скала.

— Я решил показать тебе твою комнату. Ты будешь жить здесь.

— Чего!? Ты о чем вообще?

— Ну как это о чем. Мы же с тобой родственники, троюродные брат и сестра, ты в этом доме хозяйка и скоро передедешь сюда жить. Вот я показываю тебе твою комнату.

Из голоса Ромы так и сочится яд. Все понятно. Он пообещался с Юлей.

Я делаю глубокий вдох. Это было ошибкой. Пыль пробирается в ноздри, и я снова чихаю. Да так сильно, что бьюсь головой о грудь Самохина. Он не сдвигается с места ни на миллиметр. А мне больно. Тру лоб.

— Какого хрена ты треплешься посторонним, что мы родственники? — зло цедит. — Мы же договорились молчать о наших родителях.

— Мы договорились молчать в универе, а Юля не из нашего универа.

— Но она встречается с Артуром, который учится с нами. Блядь, Власова! — восклицает, не выдержав. — Кто просил тебя протягивать язык?

— Эта сучка крашенная взъелась на меня за что-то. Я захотела заткнуть ее.

— Что еще ты ей наговорила?

— Ничего, только это. Я не рассказывала про наших родителей.

— Да, ты сказала нечто похуже.

— Что именно?

— Что мы троюродные брат и сестра, блядь! Пиздец просто. Как ты вообще до этого додумалась? Опять мыслила своей задницей?

Ромы слишком много в этом тесном помещении. Он давит на меня физически и психологически. К тому же я не считаю, что совершила что-то противозаконное.

Меня охватывает возмущение.

— Отстань уже от моей задницы! Ты допрыгаешься, я влеплю тебе пощечину. Немедленно выпусти меня отсюда! — я порываюсь отступить к выходу, но Рома силой разворачивает меня к себе лицом и делает шаг на меня, вжимая в какой-то пыльный хлам за спиной.

— Нет, это ты допрыгаешься, Власова. Так допрыгаешься, что получишь ремнем по своей классной попке.

Угроза звучит серьезно и зловеще. На секунду мне становится страшно.

— Да что я такого сделала?

— Сначала вывалила мне на голову салат, потом обломала мне тройничок с крутыми девчонками, а после нагородила гостям чушь о том, что мы троюродные брат и сестра. Поэтому, более чем веские причины наказать тебя ремнем по попке.

В темноте замечаю, как Рома разводит губы в хищном оскале. Он же это не серьезно сейчас сказал?

Но когда щелкает пряжка его ремня, я уже не сомневаюсь, что Самохин намерен реализовать задуманное...

Глава 11. Огонь

— У тебя что, крыша поехала!? — верещу. — Не смей меня трогать! Не смей!

Игнорируя мои вопли, Рома хватает меня за руку и разворачивает к себе спиной. Я утыкаюсь лицом во что-то мягкое и пыльное. Сделав вдох, тут же чихаю. А потом снова. Самохин вжимает меня в пыльный хлам. Я спиной чувствую на себе его тело, а попой чувствую...

У него что, встал член!?

Или что это такое твердое в меня упирается?

— Ладно, так уж и быть, — зловеще шипит на ухо. — Обойдемся без ремня. Но ты все равно будешь наказана.

Он шлепает меня ладонью по попе. Сильно. Тонкая ткань платья не защищает от удара. Я ойкаю, а в следующую секунду чувствую, как горит место удара. Не столько от боли, сколько от позора и унижения. Меня всю до кончиков ушей обдаёт огнем, пожаром. Рома опускает ладонь мне на живот и снова сильно прижимается сзади. Я опять чувствую его член.

— У меня терпение не железное. Я твои выходки долго терпеть не буду. Еще раз ляпнешь кому-нибудь про какое-то там наше родство, я не такое с тобой сделаю.

Мое парализованное от ужаса и возмущения тело испытывает странные чувства. С одной стороны, я хочу развер-

нуться к Рому и вклеить ему смачную пощечину. А с другой, мне хочется, чтобы он продолжал прижиматься ко мне дальше. Между ног ноет и нетерпеливо пульсирует. Огонь гуляет по телу. Теперь он доставляет удовольствие.

Бесстыжее удовольствие.

Оно вселяет мне чувство вселенской вины перед Максимом.

У меня же есть парень!

Но, слава Богу, разум сильнее плотских желаний. Я скидываю с себя руку Самохина, разворачиваюсь к нему и что есть сил залепляю пощечину. Он не ожидал.

— Ай! — вскрикивает.

Пользуясь его секундной заминкой, что есть сил толкаю Рому в грудь. Он отступает на маленький шаг, но во что-то упирается спиной.

— Значит, слушай меня внимательно, — цежу. — Утром я уйду из твоего дома и чтобы до экзамена по английскому ты больше не попадался мне на глаза, понял!?

— Вообще-то это я говорил, чтобы ты не попадалась мне на глаза до экзамена.

— Нет, Рома. Не я тебе, а ты мне чтобы больше не попадался. Не дай Бог я увижу тебя до экзамена, весь универ узнает про твоих родителей-извращенцев.

Мы стоим вплотную друг к другу. Оба злые как никогда. Моя грудь касается его груди. Мы дышим одним раскаленным воздухом. Теперь я чувствую эрекцию Ромы животом.

Да он гребанный извращенец. У них вся семейка такая.

— И еще, — самодовольно роняю. — Я чувствую твой член. Ты меня хочешь, даже не отрицай это. Так вот знай: хрен тебе со мной что обломится. Смотри на мою задницу и пускай слюни. Можешь закрыться в своей комнате и подрочить.

Не дожидаясь, что он мне ответит, я распахиваю дверь кладовки и выбираюсь на свет и воздух. Но не даю Роме выйти следом. Захлопываю дверь обратно, оставляя его в пыльной каморке. Бегу по коридору, ожидая, что Рома выскочит следом и помчится за мной. Однако он остается в кладовке. У нашей с Владой комнаты я торможу и оглядываюсь. Самохина там случайно не заперло от моего сильного удара? А впрочем, по фиг. Пусть посидит в кладовке.

Я захожу в комнату и сразу поворачиваю замок. Наверное, у Ромы есть ключ и, если он захочет, войдет сюда, но все равно испытываю острую потребность забаррикадироваться.

— Что случилось? — сходу спрашивает Влада.

Она не спит, сидит на кровати в темноте, поджав под себя ноги. В темноте ее глаза блестят неподдельным страхом и беспокойством.

Я без сил опираюсь спиной на дверное полотно и прикрываю веки, чтобы успокоить колотящееся сердце. Ягодица горит от удара Ромы. Спина чувствует на себе вес его тела.

А живот ощущает его каменный член.

— Кира, не молчи, все хорошо?

Из голоса Влады пробиваются нотки паники.

— Я поругалась с Ромой. Ерунда. Мне на него по фиг.

Как хорошо, что Влада не включила свет. Я не хочу, чтобы она видела, как горит мое лицо. Надеюсь, свет фонаря и луны из окна не сильно освещает цвет моей кожи.

— Который час? — спрашиваю.

— Пять ночи.

Только сейчас обращаю внимание, что в доме не играет музыка и вообще царит тишина. Гости разошлись по домам? Или всем им Рома выделил по комнате?

А по фиг.

Я подхожу к своей кровати, сворачиваю одеяло, которым меня заботливо накрыла Влада. Она даже мою сумку с вещами убрала с постели и поставила к шкафу. Улыбаюсь про себя. Добрая она.

— Я пойду в душ, — говорю, — а где-то часов в семь утра, пока никто не проснулся, уйду.

— Куда ты пойдешь? Ты же поругалась с родителями и ушла из дома.

— Поищу какую-нибудь гостиницу. Мне всего-то сутки надо где-то перебыть, пока не улетим второго числа в Сочи.

— Если хочешь, поехали утром ко мне домой, а второго января вместе в аэропорт от меня поедem.

Удивленно гляжу на Владу.

— А твои родители не будут против?

— Я живу одна.

— Снимаешь квартиру?

— Нет, у меня своя.

— Ого, повезло.

Влада горько хмыкает и отводит глаза в сторону.

— На самом деле не очень. Ну так что? — снова на меня смотрит. — Я не собираюсь долго здесь задерживаться. Часов в восемь утра можем уехать отсюда.

Я уже говорила, что эта девушка послана мне свыше?

Глава 12. Новая подруга

В восемь утра мы с Владой собираемся и уезжаем из коттеджа Самохина. В доме царит идеальная тишина. Гости разошлись, а кто не разошелся, тот спит. На первом этаже порядок. Нет ни разбросанных пустых бутылок, ни грязной посуды. Всю ночь в коттедже работали кейтеринг и клининг. Рома хорошо подготовился к вечеринке и все предусмотрел.

Мы уходим незамеченными. Я убеждаю Владу, что надо ехать на такси. Она настаивала на общественном транспорте. Но я не знаю, как первого января ходят маршрутки от коттеджного поселка в Москву. К тому же мама перевела мне достаточно денег. К чему мучиться на маршрутке и метро с пересадкой, когда можно доехать быстрее и с комфортом?

Дорога до Влады занимает почти час. Утром первого января по пустым дорогам — это слишком долго. Она живет в противоположном конце Москвы, в спальном районе, где одинаковые серые девятиэтажки построены в ряд. Когда-то давно мы с родителями тоже жили в такой же девятиэтажке. Я тогда ходила в начальную школу. Но по мере развития папиного бизнеса наши жилищные условия стали улучшаться.

Мы заходим в третий подъезд серой девятиэтажки и поднимаемся на последний девятый этаж. Там на лестничной клетке три квартиры. Влада достает из сумки ключи и открывает ту, что посередине напротив лифта. Дверь старенькая,

обитая дермантином с узором в виде ромбиков. Мы проходим в квартиру, Влада зажигает свет.

Я осматриваюсь и ловлю дежавю. Даже запах в квартире такой же — уютно-домашний с примесью чего-то старенького.

— Я тоже жила в такой квартире, — говорю, оглядывая прихожую, как из своего детства. — Туда ванная, туалет и кухня, — показываю пальцем налево. — Здесь изолированная комната, — показываю на ближайшую к нам закрытую дверь, — Там проходной зал, — тычу пальцем вперед, — а из него еще одна комната с балконом.

Влада смеется.

— Да.

Я заражаюсь смехом своей новой подруги.

— Все девятиэтажки одинаковые.

Я прохожу в ванную помыть руки. Продолжаю ловить флешбэки из скромного детства абсолютно во всем — в потертом линолеуме, в голубом кафеле, в стареньких обоях в цветочек. Не знаю, что там в комнатах, но ванная и коридор почти такие же, как в моем детстве. Только мы жили на пятом этаже, а на лестничной клетке у нас было четыре квартиры, а не три. Вымыв руки, иду на кухню к Владе. Оглядываю помещение. На стенах бежевые обои, кухонный гарнитур цвета светлого дерева, на подоконнике три цветка в горшках.

— У тебя большая кухня, даже диванчик поместился. У

нас меньше была.

Я сажусь за кухонный уголок и наблюдаю, как Влада готовит нам утренний кофе и сооружает на скорую руку бутерброды. У Самохина мы не завтракали, поэтому сейчас желудок больно сжимается.

Видно, что последний ремонт в этой квартире был сделан лет тридцать назад, не меньше. Но тем не менее здесь очень чисто и уютно. Есть ощущение домашнего тепла и уюта.

— Тебе родители купили эту квартиру? — задаю вопрос. Да, он бестактный. Но мне просто интересно. К тому же хочется получше узнать Владу. Что плохого в том, чтобы поближе познакомиться с новой подругой?

— Нет, я получила ее по наследству, — Влада нарезает помидоры тонкими ломтиками.

— От бабушки?

— От родителей.

Я на секунду зависаю, переваривая услышанное. Влада отрывает взгляд от нарезания помидоров и смотрит на меня.

— Мои родители погибли, когда мне было четырнадцать лет.

— О Господи! Извини, пожалуйста! Я не знала!

Я чувствую себя как полная дура. Ну вот кто тянул меня за язык? Любопытство меня сгубило.

— Все в порядке, — слабо улыбается и возвращается к помидорам. — После смерти родителей я жила у Юли, тут недалеко через несколько домов. Мы с ней лучшие подруги

с детского сада, плюс ее родители дружили с моими. Юлины родители оформили надо мной опеку, чтобы меня не забрали в детский дом.

Влада раскладывает помидоры поверх колбасы. Чайник закипел, она берет его и наливает кипяток по кружкам, в которых уже насыпан растворимый кофе.

— А когда мне исполнилось восемнадцать, я перешла жить сюда, — продолжает рассказ, ставя чайник на место. — Юлина семья меня не выгоняла, но мне все равно было неудобно стеснять их дальше. У них такая же трешка, как эта, было тесновато, учитывая, что у Юли еще младший брат-подросток.

— А эта квартира стояла закрытой, пока ты жила у Юли?

— Первые два года да, а потом я решила сдать ее, чтобы у меня были свои деньги. Мне было неудобно, что родители Юли содержат меня. В итоге у меня получилось даже немножко накопить.

— У Юли хорошие родители.

— Да, очень! — воодушевляется Влада. — И Юля замечательная! Они стали мне новой семьей.

— Ну, если честно, твоя подруга Юля показалась мне... — я замолкаю, пытаюсь подобрать не обидное слово.

— Стервозной, — заканчивает за меня Влада и смеется.

— Да.

— На самом деле Юля вообще не такая. Просто она очень закрытая и настороженно относится к новым людям. Она ма-

ло кого подпускает к себе. А так Юля очень добрая и ранимая. Она мне как сестра.

Влада ставит на стол кружки с кофе, пакет молока и тарелку с бутербродами. Пока у меня не вяжется тот образ Юли, который я увидела, с тем, что описывает Влада.

Я беру бутерброд и откусываю большой кусок. Вкусно. Пока Влада разговорчивая, надо подробнее узнать у нее про отношения Артура и Юли. Не хорошо, конечно, с моей стороны использовать Владу как источник информации, но в Сочи Вика не отстанет от меня, пока я не выложу ей про Артура и его девушку все подробности.

— А как Юля познакомилась с Артуром? — спрашиваю, прожевав.

— Мы с Юлей сидели в кафе, а за соседним столиком был Артур с другом. Они к нам подкатили. К Юле — Артур, а ко мне его друг. Мне друг не понравился, поэтому дальше переписка у меня с ним не зашло. А Юля и Артур стали встречаться.

— Когда это было?

— Где-то несколько месяцев назад, точно не помню.

Надеюсь, Вика оценит по достоинству мои шпионские способности. Но использовать Владу дальше мне не позволяет совесть. Поэтому решаю про Артура и Юлю больше ничего не спрашивать.

— А на кого ты учишься? — перевожу тему.

— Мы с Юлей на экономическом. А ты?

— Я тоже на экономическом, — улыбаюсь. — Работаешь где-нибудь?

— Да, официанткой в кафе. Надо же на что-то жить. Но в этом году собираюсь поискать работу по специальности, хотя бы на полставки. Всю жизнь быть официанткой не хочется. А ты работаешь?

— Не, меня родители содержат. Но теперь, думаю, надо искать работу. А ты где именно работаешь официанткой?

— В японском ресторане. График два через два.

— У вас случайно нет вакансий?

Влада кладет свой бутерброд на тарелку и глядит на меня снисходительно.

— У тебя есть родители, тебе это не нужно.

— Я поругалась с ними и ушла из дома.

Боль в сердце ни на каплю не утихает, когда думаю про папу и маму. Рома сказал, что однажды я дойду до стадии принятия. Но пока я слабо себе это представляю. У меня полный разрыв шаблона и диссонанс. Образ родителей в моей голове не вяжется с той правдой, которую я о них узнала.

— Кир, я не знаю, что у тебя произошло с родителями, но лично я бы все отдала за то, чтобы мои родители были живы, — я слышу, как голос Влады слегка надламывается. — Если твои родители не алкаши и не наркоманы, если они не избивают тебя и не издеваются над тобой, то просто радуйся, что они у тебя есть. Ты очень счастливый человек, Кира. Поверь мне. Я знаю, о чем говорю.

От слов Влады из легких весь воздух выбивает. Сердце больно сжимается. Подруга быстро отводит взгляд в сторону, чтобы спрятать от меня влажные глаза. Я молчу, потому что ответить мне правда нечего.

Влада абсолютно права. Я счастливый человек, раз у меня есть родители, которые меня любят. Мне только нужно дойти до стадии принятия.

Глава 13. Хорошая компания

Первое января мы с Владой проводим в ленивом режиме. После завтрака отправляемся спать. Она предлагает мне отдохнуть на диване в проходном зале, а сама уходит в комнату, вход в которую через зал. Изолированная остается закрытой, и я догадываюсь, что это была спальня ее родителей. После пробуждения в двенадцать мы обедаем, потом скачиваем детективную комедию и с интересом ее смотрим.

Я перебираю сумку со своими вещами. Уходя от родителей, я бросала в нее все подряд без разбора. Но сейчас выяснилось, что все самое необходимое каким-то чудом взяла. Есть и повседневная одежда, и пижама, и джинсы, и теплые колготки под них. Даже косметичка и плойка для волос тут. Мое настроение заметно улучшается. Только лыжный костюм ожидаемо забыла, но это ерунда. Возьму напрокат.

К вечеру мы выходим немного прогуляться по заснеженной Москве. Мне легко и комфортно с Владой, как будто мы дружим всю жизнь, а не познакомились вчера. Много говорим о кино и музыке, у нас совпадают вкусы. Мы читали одни и те же книги, нам нравится один и тот же жанр в литературе.

Периодически я прерываю болтовню с Владой, чтобы поговорить по телефону с Максимом и Викой. Первый звонит мне сонный и бормочет в трубку что-то невнятное. Но я в

принципе рада тому, что Максим позвонил первым. В новогоднюю ночь он этого не сделал.

— Мне тебя здесь не хватает, — говорит не то сонно, не то грустно. Или все вместе.

Мое сердце сжимается в ностальгии.

— Мне тебя тоже, — шепчу тоскливо.

— Знаешь, без тебя тут все как-то неинтересно. Народ собирается на лыжах кататься, а я даже из постели вылезать не хочу. Наверное, останусь дома.

Я улыбаюсь в трубку. И железно убеждаюсь, что я просто обязана полететь в Сочи и сделать Максиму сюрприз.

— Я приготовила тебе сюрприз.

— Да? — оживляется. — Какой?

Новогодние подарки мы друг другу подарили перед отлетом Максима в Сочи. Он вручил мне красивый золотой браслет, а я ему новые беспроводные наушники. Старые у него сломались. Поэтому Макс так удивляется тому, что у меня есть для него еще один подарок.

— Пока не могу сказать. Скоро узнаешь.

Разочарованно вздыхает.

— А мне точно понравится твой сюрприз?

— Да! Однозначно!

— Тогда с нетерпением жду.

Мы прощаемся, и я сразу набираю Вике. Она поднимает трубку далеко не сразу.

— Алло, — сонно бормочет.

У них там сонное царство, что ли?

— Привет, соня! Просыпайся! Уже обед!

Зевает.

— Так лень вставать и что-то делать. Как твой Новый год у Самохина? Есть свежие сплетни?

Даже будучи сонной Вика остается верна себе. Влада тоже с кем-то разговаривает по телефону, поэтому, отойдя от новой подруги еще на пару шагов, я тихо бормочу:

— Градов едет в Сочи.

— Да!? — кажется, Вика моментально проснулась. — Когда?

— У них самолет завтра, время не знаю. Я слышала, что едут кататься на лыжах, так что, может, вы встретитесь.

— А где именно он будет жить?

— Я не знаю. Они летят компанией, как и вы. Наверное, тоже сняли какой-то дом.

— У нас тут в округе много домов. А что, если по соседству с нами? Кажется, в доме напротив ночью было темно, значит, никто там не живет.

— Вик, я не знаю, где они будут жить. Но ты все равно сильно не обольщайся, Артур летит со своей девушкой.

Подруга обреченно вздыхает.

— У них точно все серьезно?

— Я не знаю, похоже на то.

Вика цокает.

— Как там Максим? — перевожу тему.

— Не знаю, не видела его сегодня.

— Он сказал, вы там все собираетесь на лыжах кататься.

— Да? Не знаю, я еще в кровати. Но ребята уже проснулись, слышу их голоса.

— Ладно, иди к ним.

— Ага, пока, Кир. Видишь, как хорошо, что ты с нами не поехала! Вон сколько новостей узнала.

Слова Вики неприятно полоснули по сердцу. Ей что, какие-то сплетни про Артура Градова, с которым она в жизни словом не обмолвилась, важнее моего присутствия рядом в Новый год? Вика даже не влюблена в Артура по-настоящему. Он просто нравится ей. Так же, как нравятся еще десять парней из нашего универа.

— Кхм, рада быть полезной.

Подруга считывает напряжение в моем голосе. Смеется.

— Ой, да ладно тебе, Кир! Конечно, я бы хотела, чтобы ты сейчас была здесь с нами. Но раз ты не с нами, то хорошо, что Новый год дома не прошел для тебя бесполезно.

— Как раз для меня он прошел бесполезно, — язвлю. В этот момент Влада заканчивает говорить по телефону и подходит ко мне. — Ладно, Вик, давай, пока.

— Ага, пока. Буду слать тебе фоточки с гор.

— Угу.

Спешу положить трубку.

— Мне Юля позвонила, — говорит Влада. — Вылет в Сочи завтра в час из «Внуково». Терминал для частных бортов.

Юля более точно завтра придет.

— Там разве есть терминал для частных бортов?

— Видимо, да. Откуда-то же они летают.

— А, тогда понятно.

Мы направляемся обратно к дому.

— А кто еще летит? — спрашиваю.

— Не знаю точно. Друзья Артура.

— Те, кто были вчера у Ромы на вечеринке?

— Необязательно.

— А где вы будете жить?

— Юля арендовала какой-то коттедж. Большой и красивый.

— А где именно он?

— Не знаю, я была в Сочи очень давно лет в девять. Не ориентируюсь там. Где-то возле горнолыжки.

Остаток дня первого января мы проводим в таком же ленивом режиме. Варим глинтвейн, скачиваем еще один фильм, рано ложимся спать. А второго, позавтракав, сразу отправляемся в аэропорт. Влада снова настаивает на общественном транспорте, но я категорически отвергаю ее предложение. Фиг его знает, где искать этот специальный терминал для частных бортов. Хотя Юля прислала более точную информацию, как его найти, я все равно предпочитаю не бегать сломя голову по аэропорту с тяжелой сумкой в руках.

Таксист сразу понимает, куда ехать, и привозит нас к нужному месту. Здесь нет толп пассажиров, как в терминале

с регулярными рейсами. Помещение почти пустое. Только несколько человек стоят в стороне с большими чемоданами от «Луи Виттон». Мы с Владой приехали раньше всех.

— Юля пишет, они будут через полчаса.

Посадка на частный борт проходит по таким же правилам, как на регулярный рейс: регистрация, получение посадочных талонов, досмотр, сдача багажа. Но у нас только ручная кладь, поэтому мы проходим со своими сумками. Садимся в кафе и заказываем по кружке кофе за тысячу рублей. Влада противится, но я угощаю ее.

— Угостить тебя кофе — это меньшее, что я могу для тебя сделать, — говорю. — Ты для меня сделала гораздо больше.

Влада вздыхает, но смотрит на меня с благодарностью.

Из тех, кто полетит с нами, первыми приезжают Артур и Юля. Не успевают они сесть за наш столик, как приезжают трое незнакомых мне молодых людей — друзья Артура. Демид, Святослав и Олег. Совершенно точно не из нашего университета, иначе я бы их запомнила, а Вика однозначно влюбилась бы сразу во всех троих. Они похожи на футболистов. Или на хоккеистов. В общем, высокие и широкие, как шкафы.

Затем приезжают две девушки. Одна из них моментально виснет на Демиде и смачно целует его в губы.

— Виолетта, — представляется нам с Владой вторая.

— Влада.

— Кира.

Девушка приветливо нам улыбается, и я слегка расслабляюсь, понимая, что компания скорее всего будет приятной.

— Ну что, все в сборе? — подруга Виолетты оглядывает нас. Задерживается взглядом на мне и Владе. — Я Ульяна.

Мы с Владой называем ей свои имена и обмениваемся дружелюбными улыбками.

— Нет, еще одного не хватает, — говорит Артур.

— Кого? — спрашивает Виолетта.

— Самохина. — Только Артур произносит эту фамилию, как меня словно молнией простреливает. — О, а вот и он!

Я поворачиваю голову. Мое хорошее настроение мгновенно улетучивается. В крови медленно-медленно по одному градусу начинает закипать кровь.

Что он здесь делает!?

Видимо, мои чувства взаимны. Потому что когда радостный взгляд Ромы натывается на меня, он моментально меняется в лице...

Глава 14. Джет

Рома здоровается с друзьями, упорно игнорируя мое присутствие. Я тоже демонстративно от него отворачиваюсь. До сада неприятно колет сердце. Я надеялась больше не встречать Самохина, а в итоге нас ждет совместный перелет. А если сильно не повезет (а мне обычно не везет), то еще и на горнолыжке будем сталкиваться.

Когда нам предлагают пройти в микроавтобус, который довезет нас до самолета, мы с Ромой случайно оказываемся рядом.

— Что ты здесь делаешь? — шиплю.

— Я лечу отдыхать со своими друзьями. А что здесь делаешь ты?

Игнорирую вопрос.

— Я говорила, чтобы ты не попадался мне на глаза до экзамена по английскому.

— Это я говорил, чтобы ты не попадалась мне на глаза до экзамена по английскому.

Рома ускоряет шаг и опережает меня. Я захожу в микроавтобус последней и занимаю место в самом конце рядом с Владой. Ребята разговаривают на какие-то свои темы и смеются каким-то своим шуткам. Если это продлится весь полет, то я точно буду белой вороной, потому что не могу поддерживать разговор.

Микроавтобус привозит нас к белоснежному самолету. Раньше частные джеты я видела только в кино. Поэтому сейчас чуть ли не разеваю рот от удивления. Хотя ничего особенного в самолете нет. Он просто белый. Не сказать, что сильно большой. Уж точно в разы меньше пассажирского боннга.

Мы по очереди выходим из микроавтобуса. Я снова последняя. Абсолютно все, кроме меня и Влады, ведут себя естественно, как будто летать частными джетами — это для них норма жизни. Что ж, возможно, так оно и есть.

У самолета небольшой собственный трап, а не приставной, как у больших пассажирских лайнеров. Дует сильный ледяной ветер, я прячу руки в карманах пуховика. Осторожно ступаю по ступенькам, боясь невзначай подвернуть ногу и упасть. Оказавшись внутри роскошного салона, боюсь сделать шаг дальше.

— Пойдем, а то мы тут как чужие, — шепчет на ухо Влада.

— Так и есть.

Но все же делаю шаг вперед, осторожно ступая в богатый салон. Внутри самолет кажется больше, чем снаружи. Повсюду мягкие кресла из светлой кожи, похожие на массажные в торговых центрах. Есть два мягких дивана и четыре стола. В самом конце бар с высокими стульями. Стюардесса модельной внешности и с белоснежной голливудской улыбкой приветствует нас на борту.

Ребята где-то в конце за баром снимают верхнюю одежду

вешают ее в гардероб и переобуваются в мягкие белые тапочки, как в отелях. Все предусмотрено для комфорта пассажиров. Когда у гардероба становится посвободнее, мы с Владой тоже проходим снять пуховики и переобуться.

— По возможности, пожалуйста, пристегните ремни, — вежливо просит стюардесса, проходя по салону.

«По возможности, пожалуйста».

То есть, можно не пристегнуть?

Но все ребята садятся в кресла и пристегиваются. Они ни на минуту не замолкают. Из услышанного я делаю вывод, что три друга Артура — Демид, Святослав и Олег — все-таки хоккеисты. И сам Артур в прошлом тоже хоккеист, но был вынужден бросить спорт из-за травмы.

Запоминаю эту информацию для Вики.

Стюардесса подходит к каждому и спрашивает, какой напиток подать. Все просят алкоголь. Я решаю не выделяться и заказываю шампанское. Трап подняли, но самолет еще не трогается с места. Даже не гудит. Стюардесса разливает по бокалам и стаканам заказанные напитки.

Если в новогоднюю ночь была вечеринка Ромы Самохина, то это — несомненно вечеринка Артура Градова. Когда стюардесса подает каждому напитки, один из хоккеистов предлагает тост:

— За Артура, который решил подарить нам незабываемые выходные.

Градов не только предоставил друзьям личный самолет,

но и сам оплатил дом на весь период проживания.

Хороший друг, ничего не скажешь. У меня таких нет.

Меня удивляет, насколько Рома здесь, как в своей тарелке. Я знаю, что они с Артуром очень близкие друзья, в университете почти всегда тусуются вместе. Но и с другими ребятами-хоккеистами, а также с девушками, Самохин хорошо знаком.

Мне кажется, или Виолетта старается держаться поближе к Роме?

Она села рядом с ним на диван, хотя есть пустующие кресла. Даже Демид и Ульяна не сели вместе, хотя они пара. Ну, Юля и Артур, понятное дело, на своем персональном диване, но вот почему Виолетта подсела к Самохину. Она смотрит на него чаще, чем на всех остальных присутствующих в самолете. Первой смеется, если Рома говорит шутку.

Мне становится настолько противно от ее заискиваний, что я отворачиваюсь к Владе. Она перехватывает мой взгляд и слегка кривится, поняв, о чем я думаю. Моя новая подруга читает мои мысли. Даже Вика так не умеет.

Раздается голос командира корабля. Он говорит, что самолет готов к взлету. Ребята радостно свистят и хлопают в ладоши. Я достаю из сумочки телефон и печатаю маме сообщение:

«Я в самолете, скоро взлетаем. Со мной все хорошо. Прилечу в Сочи, напишу. Домой вернусь в последний день праздников».

Отправляю. Мгновение думаю и печатаю вдогонку:
«Люблю тебя, мам».

Слезы моментально накрывают глаза, а сердце больно колет. Вдруг понимаю, что ужасно сильно скучаю по родителям. Если бы самолет не тронулся с места, наверное, я бы вскочила и попросила выпустить меня обратно.

«Хорошо, Кира. Спасибо, что написала. Я себе места не находила, но боялась беспокоить тебя первой. Я тоже люблю тебя очень-очень сильно. Присылай мне фотографии из Сочи».

Ну все, я реву. Быстро смахиваю слезы с щек, чтобы никто не успел заметить. Поднимаю на ребят лицо и сразу натякаюсь на сосредоточенный взгляд Ромы. Он сейчас не смеется над шуткой Олега, а внимательно смотрит на меня.

Глава 15. Совпадение или судьба

Когда самолет набирает высоту, все отстегивают ремни, а стюардесса выносит подносы с закусками и раскладывает их на барной стойке. Я сижу ближе всех к бару, поэтому вижу, что сегодня в меню: бутерброды с красной и черной икрой, фруктовая корзина, брускетты с паштетом, томатами и моцареллой, крабовым мясом, а также сырная и мясная тарелки, различные канапе.

Я еще раз смотрю на Артура. Юля уселась к нему на колени и что-то воркует на ухо.

Я из богатой семьи, но то, что я вижу сейчас, просто в голове не укладывается. Отец Артура — депутат Госдумы. Он заработал на всю эту роскошь, принимая законы? Я не знаю, сколько зарабатывают наши депутаты, но мне почему-то кажется, что они не должны быть такими неприлично богатыми.

Артур одевается в дорогие брендовые вещи. Не знаю, сколько стоят часы на его запястье, но, думаю, цена достигает пары миллионов рублей минимум. При этом в университете он ведет себя достаточно скромно: не устраивает драк, разборок, не хамит и не угрожает преподавателям.

Да, у нас есть особи, которые угрожают преподавателям связями своих родителей. Артур в число этих дегенератов не входит.

Ну, то есть, несмотря на просто баснословное богатство, в целом, Артур Градов обыкновенный студент. Мне не раз приходилось видеть его в коридорах университета с тетрадями и учебниками в руках. Он реально УЧИЛ.

А еще он не использует девушек. Есть у нас компашка парней, которые спорят на девушек, всячески их обольщают, добиваются своего, а затем бросают. Артур тоже не из таких. Несмотря на то, что он хорош собой и реально нравится многим девушкам, Градов держит с ними дистанцию. Теперь понятно, почему. У него есть Юля.

Артур не изменяет своей девушке. Ставлю ему за это жирный плюс.

Я отстегиваю ремень безопасности и подхожу к бару. Рядом со мной становится Влада.

— Ты когда-нибудь ела черную икру? — спрашивает меня.

— Пару раз. А ты?

— Ни разу.

Я беру маленькую тарелку и кладу на нее специальными щипцами бутерброд с черной икрой. Ставлю перед Владой. Чтобы ей не было неловко есть черную икру в одиночку, беру другой бутерброд себе.

— Загадай желание, — говорю новой подруге, откусывая от своего бутерброда.

Она смеется. Откусывает маленький кусочек, но не спешит жевать, а смакует его на языке.

— Вкусно, — выносит вердикт.

Мы чокаемся бокалами с шампанским.

Моя легкость моментально уходит, когда справа от меня становится Рома. Правой рукой он облакачивается на барную стойку и смотрит на меня сверху вниз. Влада тактично удаляется со своей тарелкой и бокалом. Нехотя поднимаю взор на Самохина.

— Чего тебе? — спрашиваю не очень дружелюбно.

Я стараюсь напустить на себя воинственности. Не знаю, насколько у меня получается. Видимо, не очень, раз темные глаза Ромы смеются.

Он склоняется ко мне ниже. Теплое дыхание касается уха, отчего внезапно по затылку бежит россыпь мурашек. В нос проникает запах Ромы.

Черт возьми, он приятно пахнет.

— Отличный вид сзади. Чаще ходи так к доске на английском.

Рома резко отстраняется, берет стакан виски с бокалом шампанского и уходит к своему дивану, на котором его дожидается Виолетта. Я выворачиваю шею назад и смотрю на свой, простите, зад. Я в леггинсах и короткой кофте. Одеюсь максимально удобно для полета, выбирая из того, что захватила с собой из дома.

Ну конечно. Леггинсы обтягивают мою попу, как вторая кожа — без единой складки.

Классная попка.

Это имел в виду Рома.

Стискиваю зубы. Если наши родители действительно совершат то безумие, которое задумали, мне придется постоянно терпеть Рому. Потому что так или иначе мы будем пересекаться. На каких-то семейных праздниках или на чем-то таком. А еще, конечно же, я каждый день буду видеть его в универе. Нам еще полтора года вместе учиться.

Я должна остановить родителей во что бы то ни стало. Хотя бы ради того, чтобы не видеть Самохина.

Остаток полета проходит на удивление весело. Я думала, буду в самолете одна, максимум с Владой. Но неожиданно у меня находится одна общая тема с хоккеистами — спорт. Я рассказываю, что с детства занималась художественной гимнастикой. Мы начинаем обсуждать Олимпийские игры и наших основных спортсменов. В разговор включается Ульяна, девушка Демида. С ней тоже есть о чем поговорить. Она занималась спортивной гимнастикой. Но не так профессионально, как я художественной, а на любительском уровне.

К моменту, когда самолет начинает снижать высоту, я с уверенностью могу сказать, что у меня появились новые друзья.

Ну ладно, слово «друзья» слишком громкое. Новые хорошие знакомые.

Только Рома немного портил настроение своим присутствием. Он то флиртовал с Виолеттой, то внимательно слушал мои разговоры с хоккеистами и Ульяной. Хотя ничего

такого кроме спорта мы не обсуждали.

Когда самолет приземляется и занимает место стоянки, мы выходим к ожидающему нас микроавтобусу. Я вдыхаю полной грудью свежий воздух. В Сочи он не такой, как в Москве. Здесь он не просто теплее. Он вкуснее. Им хочется дышать и дышать.

В терминале ребятам выдают багаж, и мы направляемся к выходу в город. Я готовлюсь попрощаться с новыми друзьями и вызвать такси, как вдруг Артур спрашивает:

— А тебе куда ехать?

— У нас тут дом арендован, — открываю на телефоне старое сообщение от Вики с адресом коттеджа, который мы сняли до конца праздников. — Вот, — показываю Артуру.

Он читает, сместив брови на переносице. Затем его лицо проясняется.

— Так это же возле нас. Давай мы тебя довезем.

— Возле вас!?

Не могу понять, рада я или расстроена, что наши дома, оказывается, поблизости. С одной стороны, мне приятно, что смогу видеть Владу и хоккеистов с Ульяной, а с другой, я все же рассчитывала не встречаться больше с Самохиным до экзамена по английскому.

— Да. А если точнее, то напротив. У тебя в адресе дом шестьдесят девять, а у нас семьдесят. По идее должны быть напротив друг друга.

И тут я вспоминаю, как Вика вчера говорила, что в кот-

тед же напротив в новогоднюю ночь не горел свет, а значит, никто не живет.

Ну и ну.

Вот это совпадение.

Или судьба?

— Поехали с нами, — приглашает Артур.

Находясь в смешанных чувствах залезаю в новый микроавтобус.

— Круто же, что мы будем жить по соседству! — радуется Влада.

— Ага, — бормочу.

— Я тебе преподам урок на сноуборде, — подмигивает Святослав.

Я с опаской гляжу на Рому. Он делает вид, будто ему неинтересно, что я буду жить по соседству. Ну или ему правда неинтересно. В микроавтобусе с Ромой садится Виолетта и снова начинает окутывать его своими чарами.

Пожалуй, Виолетта единственная из всей компании вызывает во мне раздражение. Ну, не считая Рому. Даже к Юле у меня больше нет столько негатива. Я не понимаю девушек, которые вот так открыто вешаются парням на шею. Неужели нет ни капли гордости и чувства собственного достоинства?

Я стараюсь не смотреть на Рому и Виолетту. Гляжу в окно и предвкушаю скорую встречу с Максимом, Викторией и другими друзьями. Представляю, как зайду в дом с громким криком «Сюрприз!» и как друзья радостно бросятся меня обни-

мать. Максим подхватит меня на руки, закружит по комнате и горячо поцелует. Я немного посекретничаю с Викой, а затем мы с Максимом незаметно удалимся в нашу комнату и наконец-то как следует поздравим друг друга с Новым годом.

Микроавтобус петляет по узким улицам небольшого поселка с красивыми домами. Чем мы ближе к месту назначения, тем сильнее у меня бьется сердце. А когда автомобиль тормозит, оно вовсе выскакивает из груди.

Наши дома действительно напротив. Наш с друзьями шестьдесят девятый, а у Артура и его компании семидесятый. Нас разделяет небольшая дорога.

— Будем ходить друг к другу в гости! — обнимает меня Влада.

— Да-да.

Я прощаюсь с ребятами, быстро перехожу дорогу и захожу во двор высокого коттеджа, который мы арендовали. Во дворе стоит машина, взятая напрокат, на первом этаже горит свет.

Они дома! Ура!

Я захожу в дом. Оставляю в предбаннике сумку, снимаю пуховик и разуваяюсь. Слышу голоса друзей. Набираю в грудь побольше воздуха, распахиваю дверь в гостиную и во все горло кричу:

— СЮРПРИЗ!!!! А вот и я!

Шесть голов поворачиваются в мою сторону. Я сразу нахожу Максима и Вику. Они стоят рядом. Разговаривали. Да-

ша сидит на диване с Игорем. Света за столом с Димой.

Они глядят на меня как на привидение. Не шевелятся. Только рты разинули.

Проходит секунда. Вторая. Третья.

Ничего не происходит.

Кроме меня никто не улыбается.

Моя улыбка медленно гаснет.

— Вы что, не рады меня видеть!?

Глава 16. Сюрприз

Проходит не меньше пяти секунд прежде, чем Максим отмирает и бросается ко мне.

— Кира! — подхватывает меня на руки и кружит по комнате. Прямо как я представляла, вот только почему-то теперь это не приносит мне радости. — Обалдеть! Вот сюрприз! — он ставит меня на пол, вглядывается в мое лицо глазами размером с пятирублевые монеты. — Почему ты не сказала, что собираешься приехать!?

Вопрос Максима действительно звучит с претензией или мне кажется?

— Хотела устроить вам всем новогодний сюрприз, — издаю нервный смешок. — Кажется, сюрприз не удался, — смотрю на остальных ребят в комнате.

Они резко

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.